

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2016 | сентябрь
интеллектуальный
диалог

Фото: Сергей ОСИНА

ИНТЕНСИВ: ДОЛГИЕ КАНИКУЛЫ как ещё один миф о России ● стр. 2-24

НА ГРАНИЦЕ РУКОТВОРНОГО МОРЯ

Галина Ямских:

● стр. 4

«Надо признать, что многие участки на территории города, а тем более края вообще не исследованы с точки зрения геоморфологической опасности. Ни один из крупных городов края не имеет карты происходящих геоморфологических процессов».

КТО И ЧТО НАС КОНСТРУИРУЕТ

Мария Колесник:

● стр. 8

«Есть представители научных кругов, которые считают, что эффективно идентичность можно конструировать средствами политики, средствами СМИ, в рамках школьной программы по истории. Мы же предположили, что именно искусство в целом более эффективно выполняет эту функцию».

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Ольга Дубровская:

● стр. 10

«Итальянцы и поляки просто испытали шок, увидев, как у нас по утрам поливаются улицы. А узнав, что поливаются они питьевой водой, заявили, что мы, похоже, очень богатые люди, раз позволяем себе такую роскошь».

«В Вологодской области, в этом отдельном регионе, традиционная русская культура находится под охраной — это волеизъявление губернатора. Пример очень показателен тем, что по Вологодской области детская и подростковая преступность за годы существования центров фольклора сошла практически на нет. Вот вам и ответ. И больше не надо никаких аргументов и размахиваний руками — зачем, дескать, нужна традиционная культура».

Этнограф Сергей СТАРОСТИН
о народной традиции вообще
и «МИРе Сибири»
в частности
● стр. 12

Есть такой миф: в России отдыхают больше, чем где-либо в мире. А таких каникул, как у нас — три летних месяца, — точно нет нигде (это уже факт, а не миф). Но на самом деле — разве что русские дети летом отдыхают от учёбы, да и то не все. Всевозможные летние школы, обучающие программы, ознакомительные практики, тренинги и форумы, экспедиции — лето мы нагружаем под завязку. Хотя, конечно, существенное отличие есть: летом работать и учиться получается практически в райских условиях — это можно делать под любым кустом, на лужайке, на речном берегу.

При нашей столь долгой зиме и недополученном тепле и свете по-хорошему время отдыха в России надо бы ещё увеличить — чтобы все погожие деньки россияне могли отмечать, подставляя лица солнцу (делают же японцы выходным время цветения сакуры). Но это уже так, из разряда вздохов и неосуществимых мечтаний. А сегодня в доказательство того, что лето мы спрессовываем, по известному выражению, до отдельной маленькой жизни, расскажем лишь о небольшой части летних интенсификаций, через которые мы заставляем проходить не только нашу голову, но и душу.

Стартапы в учительском портфеле

Накануне нового учебного года в России сменился министр образования — на эту знаковую во многих смыслах должность назначена историк, религиовед Ольга ВАСИЛЬЕВА. Какие изменения в школы и вузы принесёт новый человек — об этом говорить пока рано, хотя предположения и ожидания звучат всевозможные. Нам же показалось интересным в этот переходный момент посмотреть на те инновации, которые появились в образовании благодаря работе предыдущей команды. Частично примеры школьных инициатив ежегодно можно встретить на так называемом августовском педсовете, куда мы и отправили своего корреспондента.

Согласно «Атласу новых профессий», составленному Агентством стратегических инициатив при Президенте РФ и Московской школой управления «Сколково», из 140 профессий будущего как минимум 10 новых будут иметь отношение к системе образования. Цифры получены в результате масштабного исследования «Форсайт компетенций 2030».

В сферу образования уже приходят или скоро придут модератор, тьютор, разработчик образовательных траекторий, игропедагог и игромастер; тренер по майнд-фитнесу, сетевой педагог, экопроповедник, ментор стартапов и т.д. До 2020 года появятся, например, профессия «Организатор проектного обучения». Это, как сказано в Атласе, «специалист по формированию и организации образовательных программ, в центре которых стоит подготовка и реализация проектов из реального сектора экономики или социальной сферы...». Очевидно, навыки проектной деятельности должны закладываться уже сейчас.

На нынешнем краевом образовательном форуме, или привычнее — августовском педсовете, — можно было убедиться в актуальности проектного подхода. Пришлось долго блуждать по громадному международному выставочно-деловому центру «Сибирь» в поисках указателей и скрытого за ширмами портала в нужное измерение.

В зал, где шла общественно-профессиональная экспертиза проектов молодых педагогов, я всё-таки попала. Процедура обсуждения была чрезвычайно интересной! В прошлом году на суд взыскательного жюри молодые педагоги представили 17 работ, из них 10 были одобрены экспертами к реализации. Нынче со всего края на экспертизу поступило 27 за-

явок из 14 городов и районов края. Как и в прошлом году, 10 из них получают финансирование. Мотивация налицо: под некоторые проекты из краевого бюджета выделяется несколько сотен тысяч рублей... Общая стоимость поддержанных в 2016 году проектов составляет около полутора миллионов рублей. Правда, эксперты не раз отмечали, что соискатели — идеалисты, не просчитали толком бюджет, зарплата указана без учёта налогов — за три копейки готовы работать?..

Бизнес на шести сотках

Учителя Епишинской общеобразовательной средней школы № 6 Мария СЕВРЮК и Игорь ВАГИН представили на суд экспертов проект «Аграрная школа — площадка для научно-исследовательской и трудовой деятельности» и победили. В Енисейском районе, приравненном к районам Крайнего Севера, педагоги решили поменять отношение учащихся к сельскому труду: показать, что он востребован и что сельское хозяйство может при грамотном взвешенном подходе стать прибыльным бизнесом. Как родилась идея проекта?

— У нас в районе 65 населённых пунктов, и 64 из них — сельские поселения, — поясняет Мария Сергеевна Севрюк. — Раньше каждое из этих поселений занимало свою долю в агропромышленном секторе, а сейчас всего лишь 3% населения района что-то выращивают. Из сёл массово уезжает молодёжь трудоспособного возраста, увеличивается доля безработных. Есть и другая проблема. Например, в нашей школе — 50 учеников. Из 45 семей 35 — малообеспеченные, шесть семей находятся в тяжёлой жизненной ситуации.

После девятого класса многие ребята попадают в профтехучилище, где они могут получить профессии штукатур-маляр, каменщик, печник и т.п. В селе им найти работу по этим специальностям довольно сложно, а выживать в городе без помощи родителей ещё сложнее. Большинство ребят возвращаются в деревню, но опять-таки устроиться на работу не получается, и вновь — замкнутый круг.

Некоторые молодые люди начинают скатываться вниз по социальной лестнице. В деревнях — море свободных земель, а люди уезжают, бросают свои

усадьбы и участки, которые со временем приходят в негодность, зарастают бурьяном.

— Перспективы проекта?

— Организация опытного участка поможет решить массу вопросов воспитательного, образовательного и научно-исследовательского характера. В реализацию проекта могут включаться как учащиеся школы, так и воспитанники дошкольной группы, родители, учителя, добровольцы. Ученики получают возможность приобщиться к сельскому труду, познакомиться с основами агрономии на практике, приобрести знания о предпринимательской и научно-исследовательской деятельности. Пока же многие из них, как ни странно, даже лопату в руках не держали...

Проект тиражируемый: некоторые школы района уже готовы последовать нашему примеру. Это новая форма работы с детьми вне урока и возможность устроиться в профессиональное учебное заведение. Участок, кстати, может быть самокупаемым. Когда мы всё это затеяли, то пришли к главе поселения, и он, не колеблясь, предоставил под проект шесть соток земли. Но чтобы детям было интересно работать, участок должен быть технологичным, а для этого в первую очередь нужен инструмент. Часть выращенного урожая планируем отправлять в школьную столовую.

Однако эксперты усомнились: кто же будет преподавать в аграрной школе? По идее — успешные бизнесмены, но где их взять на селе? А если учить детей будет школьный педагог, то откуда у него опыт ведения бизнеса?

Пока представители от образования и общественности обсуждали этот проект, подумалось: вот сейчас не помешала бы поддержка из будущего — помощь ментора стартапов. Говорят, на Западе это уже профессия настоящего. Специалисты с опытом реализации собственных стартап-проектов курируют команды новичков, обучают их ведению предпринимательской деятельности. В нашей стране менторские программы существуют пока только экспериментально, скажем, в бизнес-инкубаторах Высшей школы экономики и «Сколково».

Профессия не ради профессии

Другой проект, хотя и содержит ряд спорных моментов и краевой грант на этот раз не выиграл, на мой взгляд, привлекателен тем, что авторы уловили потребность времени. Один только факт, приведённый на портале краевого Министерства образования: в 2016 году 1 сентября пошли в первый класс более 1050 первоклассников с ограниченными возможностями здоровья. Все они будут обучаться в обычных школах вместе с другими детьми. Помимо этого в крае довольно много коррекционных школ.

Инициативная группа учителей Назаровской общеобразовательной школы предложила создать «Центр профессиональных проб для детей с интеллектуальными нарушениями».

«Таким ребятам трудно устроиться на работу. Даже отучившись в техникуме, они не могут получить работу по специальности, остаются невостребованными. Решено было организовать на базе нашей школы такой центр, который поможет расширить спектр профессий для учащихся, — рассказывает молодая учитель Мария Владимировна МАЛОШЕНКО. — Целевая группа, с которой мы будем заниматься, — учащиеся 7-9 классов. Планируем привлечь многочисленных партнёров — учреждения дополнительного образования г. Назарова и района, другие школы и предприятия среднего и малого бизнеса»

Авторы проекта уже разработали образовательные модули по трём направлениям. Первый касается детей, которые хотят получить специальное профессиональное образование (профессии столяра, штукатур-маляра, швеи); второй — профессии сферы обслуживания (дворник, уборщик, грузчик, наборщик, фасовщик и др.). И третий модуль — творческий, когда дети учатся, например, мыловарению, аэродизайну.

На данный момент основная часть модулей в школе уже оснащена. Оборудован кабинет лёгкого промышленного дела, кабинет картонажно-переплётного дела, а в этом году было приобретено оборудование для мыловарения и аэродизайна. В перспективе, если удастся получить финансирование, учителя мечтают оснастить ещё не менее пяти модулей: это студия мультипликации, штукатурно-малярное дело, изготовление полуфабрикатов, работа с древесиной и т.д. Детям с ограниченными возможностями здоровья такое внимание необходимо. Возможно, это шанс определиться с профессией, но главное — они не будут чувствовать себя ущербными на фоне здоровых сверстников.

Настольное против виртуального

Дети любят играть. Следующий проект-победитель как бы превосходит ещё одну школьную профессию будущего — «Игромастер». Специалист по разработке и организации обучающих игр (деловых, исторических, фантастических и пр.) востребован уже сегодня!

Помните слова УШИНСКОГО? Великий русский писатель и педагог сетовал: «Самое резкое, наиболее бросающееся в глаза отличие западного воспитания от нашего состоит в том, что человек западный, не только образованный, но и даже полуобразованный, всегда ближе знаком со своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением и т.д....». Так оно и есть!

Учитель истории ачинского лицея №1 Любовь Юрьевна САВИЦКАЯ представила на экспертизу макет настольной игры «Путешествуем по Красноярью». В прошлом году игра была опробована на базе ачинской школы, а в 2016 году модернизирована: появились правила, игровые карточки с заданиями.

В июне-июле 2016 года в стационарном палаточном лагере «Чулымье», расположенном в п. Горный Ачинского района, прошёл турнир по краеведческой авторской игре.

«У нас получилось на базе загородного лагеря создать игровое образовательное пространство. Детей игра захватила, они узнали много нового и интересного об истории и культуре своего края, — делится автор проекта Л.Ю. Савицкая. — Особенно меня радует, что положительно отзывались о проекте мои коллеги-педагоги».

В июле этого года с успехом прошёл краеведческий турнир в рамках презентационной площадки на национальном татаро-башкирском празднике «Сабантуй» в Красноярске и на праздновании Дня города в Ачинске. Жители и гости этих городов с энтузиазмом участвовали в игре, отмечали её актуальность и уникальность. К стати, уже и сувенирная продукция к проекту готова — стильные магнитики «Путешествуем по Красноярью». Экспертизу проект прошёл на ура.

Do you speak English?

Получили грант и молодые учителя из Преображенской средней школы Назаровского района. Они предложили создать в школьных стенах новое образовательное пространство — литературно-английский клуб «Театральный дворик in English» для учащихся 5-7 классов. А всё потому, что опрос учащихся выявил очень низкий уровень мотивации к изучению предметов филологического цикла — английского языка, литературы. В то же время в условиях современного рынка труда владение иностранным языком необходимо.

Кроме того, на первый план выдвигаются такие качества, как инициативность, способность работать в группе, ответственность за результат, а клуб — это неформальная обстановка, место для общения творческих людей, для решения проектных задач, личного самоопределения.

В свою очередь, театр — некая модель социума, развивает навыки социальной компетенции, здесь и распределение ролей, и установление эффективной коммуникации. Авторы надеются, что такой подход позволит осуществить перенос учебных знаний на практику. Чего всегда не хватает нашим детям, изучающим иностранные языки, так это практики. Если в клубе, как обещают авторы проекта, будут даже ставить спектакли на английском языке, то это бесценно! Однако задача: когда докладчик от группы учителей представлял этот проект, кто-то из экспертов неожиданно спросил: «Do you speak English?». Наступила многозначительная пауза и... последовал отрицательный ответ. Но нет худа без добра — кажется, Сенеке принадлежит афоризм «Уча других, мы учимся сами?»..

Нечитающее поколение

Следующий проект пока не выиграл краевой грант, но идея понравилась экспертам, а мне как филологу просто душу согрела.

— Мы провели анкетирование, и результаты показали, что процент читающих художественную литературу школьников очень низкий. Из тысячи опрошенных 87% не читают вообще! — с тревогой сообщила заместитель директора по учебно-воспитательной работе Ужурского центра дополнительного образования Кристина Сергеевна ЛЕСИК. — Мы опросили учеников школ района и поняли, что они не знают известного в крае и в России поэта-фронтовика и своего земляка Петра Павловича КОВАЛЕНКО. Свой проект «Его душа жила не ради славы» я посвятила юбилею писателя — хочется пробудить у детей интерес к чтению и творчеству и увековечить память поэта земли ужурской. Почему бы не установить стелу на его малой родине, не назвать площадь его именем? Кроме того, мы хотим, чтобы в районе появилась новая традиция: ежегодные Коваленковские чтения.

Между прочим, Пётр Коваленко печатался в краевой и центральной прессе: в журналах «День и ночь», «Енисей», в различных поэтических сборниках. Долгое время он работал в газете «Красноярский рабочий». Как сказано в Энциклопедии Красноярского края, «ветеран добился признания у читателей и критиков. Виктор АСТАФЬЕВ считал Коваленко одним из лучших российских поэтов, писавших о войне, а также отмечал его вклад в развитие литературы Красноярского края и России... Стихи Петра Коваленко выведены на штендерах мемориальных паровозов, установленных возле железнодорожного вокзала в Красноярске и на станции Ужур».

Экспертное мнение

В грантовую десятку вошли и проекты, связанные с профессиональным развитием молодых педагогов. Например, «Проектная школа «Взгляд в будущее», — разработка Центра дополнительного образования Абанского района. Идея в том, чтобы создать школу для поддержки молодых педагогов, развивать их компетенции, обучать созданию собственных проектов.

— По сравнению с прошлым годом число проектов стало больше, и выросла их грамотность, — подводит итоги конкурсного отбора председатель экспертной комиссии главный специалист отдела дополнительного образования и работы с педагогическими кадрами министерства образования Красноярского края Татьяна Валерьевна ИВАНОВА. — Идеи, конечно, сложно сравнивать, но если в прошлом году учителя узконаправленно решали проблемы только своей школы, то сейчас появилась масштабность, стало больше проектов районного и даже краевого уровня.

— Если вы после сегодняшней защиты не получите грант — это не значит, что горе пришло в дом и руки опустились. Я вам советую в следующий раз сделать что-то менее масштабное и глобальное, а более привязанное к вашей непосредственной деятельности, к вашей миссии; и, может быть, получится позитивный опыт. Пусть это будет не 300 тысяч рублей, а 50; потом можно идти дальше, — напутствовала молодых коллег педагог дополнительного образования гимназии №1 «Универс» Валентина Валерьевна ОВЧАРЕНКО.

— Проектно-программный подход в настоящее время — это фишка, способ работы со всей системой образования. Если вы хорошо овладеете проектированием на уровне эксперта, а это приходит с опытом, — незаменимы будете не только в своей школе, территории, но и в крае. Не бросайте свои идеи! — призвала молодых педагогов председатель экспертной комиссии.

Похоже, правы стратеги — составители «Атласа новых профессий»: учителя-организаторы проектного обучения вот-вот появятся в наших школах...

Вера КИРИЧЕНКО

Новые берега нового моря

В этом году исполнилось пятьдесят лет с начала заполнения Красноярского водохранилища. Срок немалый. А потому мы уже привыкли к водохранилищу, почтительно называем морем и давно забыли, какими прежде были эти берега. Но забывать ни о чём нельзя, считает Галина Юрьевна ЯМСКИХ, доктор географических наук, заведующая кафедрой географии Института экологии и географии Сибирского федерального университета.

— Галина Юрьевна, в дни студенческих каникул на Красноярском водохранилище прошла Международная летняя школа-экспедиция по изучению рельефа дна и береговых процессов. Как возникла эта идея, какие задачи были поставлены перед школой и кто в ней принял участие?

— Школа наша имеет долгую историю, а потому начну с самого начала. С 2006 года мы начали сотрудничать с Институтом водных и экологических проблем СО РАН в Барнауле, специалисты которого многие годы работали на Красноярском водохранилище. Сотрудники института доктора географических наук Валерий Михайлович САВКИН и Александр Шамильевич ХАБИДОВ были ведущими специалистами по изучению нашего и Новосибирского водохранилищ. Сотрудничество началось с подготовки выпускных квалификационных работ студентов, которые проходили производственную практику на Красноярском и Новосибирском водохранилищах.

Когда был создан Сибирский федеральный университет, возникла идея организовать лабораторию, которая бы занималась мониторингом водохранилищ, изучением процессов, происходящих в береговых зонах, поскольку на территории края находятся наиболее крупные водохранилища России, а целенаправленной подготовки специалистов для работы на них не осуществлялось.

В 2013 году наряду с созданием кафедры географии при непосредственном участии ректора Евгения Александровича ВАГАНОВА была создана лаборатория комплексных физико-географических исследований. При финансовой поддержке министерства и университета лаборатория была укомплектована современными приборами, в том числе и для изучения водохранилищ.

Сейчас приборы и оборудование используются студентами на учебных и производственных практиках. И мы всегда стараемся привлечь к этому учёных и преподавателей из тех стран, где эти приборы производят и используют. Большей частью оборудование имеет американское происхождение, потому в этом году мы пригласили для участия в работе школы доктора Дэвида ПЕЙПЕРА, преподавателя из Университета штата Калифорния в Лонг-Бич, специалиста-океанолога-геоморфолога. Он не только прочитал лекции студентам-географам о методах изучения дна и берегов водохранилищ, но и в течение десяти дней принимал активное участие в обследовании береговой зоны Красноярского водохранилища

в районах посёлков Куртак, Даурское и Приморское.

Надо сказать, что за последние двадцать лет комплексных исследований береговых процессов на водохранилище не проводилось, за исключением работ Института водных и экологических проблем в 2012-2013 годах и кратковременных точечных наблюдений, проводимых студентами в предыдущие годы.

К счастью, единственный свидетель, изучавший берега водохранилища, сегодня здоров и живёт в Новосибирске. Это доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН Валерий Михайлович САВКИН. Он руководил всеми мероприятиями подготовки ложа водохранилища к затоплению. Мы пригласили Валерия Михайловича поучаствовать в работе школы, и он, несмотря на то, что перешагнул восьмидесятилетний рубеж, с радостью согласился, приехал и активно поработал со студентами.

В работе школы приняли участие студенты и исследователи из США, Красноярского края и Хакасии, Санкт-Петербурга, Москвы. Таким образом, у нас сложился заинтересованный, работоспособный коллектив в составе тридцати человек, который и работал на водохранилище с 15 по 24 июля в районе посёлков Даурское, Куртак и Приморск.

— А почему были выбраны именно эти посёлки?

— Дело в том, что в районе этих посёлков, несмотря на то, что они находятся недалеко друг от друга, берега имеют разное строение. В Куртуке высокие, 20-30-метровые. В районе Приморска берега более низкие и сложены в основном лёссовидными суглинками и супесями. У посёлка Даурского берега смешанные — сложные скальными породами, песчаными отложениями, лёссовидными суглинками и супесями. Соответственно и процессы берегопереработки и накопления осадков в прибрежных зонах этих мест совершенно различ-

ные. Вот это и было важно для участников школы.

Надо сказать, что при проведении геодезических исследований (а без них изучение береговых процессов невозможно) нам удалось найти реперные отметки, которые были оставлены в 60-е годы при проектировании водохранилища. Эти отметки указывали на предполагаемое отступление береговой линии в связи с процессами эрозии и абразии. На основании результатов математического моделирования предполагалось, что отступление и разрушение береговых зон водохранилища может достигать до 300-400 метров от существовавших ранее берегов Енисея. Для нас было очень важно привязаться к этим отметкам уже с использованием современного геодезического оборудования и получить данные по процессам берегопереработки, используя спутниковую привязку.

Изучение береговых зон водохранилища осуществлялось такими приборами, как локатор бокового обзора, профилограф и эхолоты. Вечером участники школы слушали лекции американского исследователя о том, где и как эти приборы используются на территории Соединённых Штатов. В отличие от России, там водохранилищ поменьше, но приборы используют в береговых зонах Атлантического и Тихого океанов, чем и занимаются студенты океанографы и географы. Так что поле деятельности специалистов, владеющих навыками работы с таким оборудованием, не замыкается только лишь водохранилищами. Если учесть, что в ближайшем будущем планируется освоение арктических территорий, а там без эффективной техники не обойтись, то студентам важно научиться работать с такими приборами, чтобы иметь возможность в будущем и в Арктике приложить свои силы.

— Лекции читались на английском? И как вообще проходило обучение?

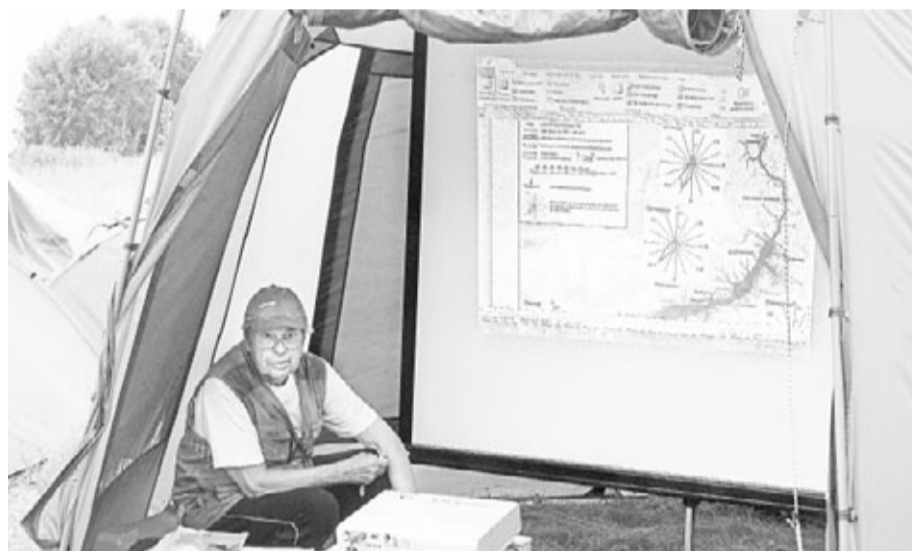
— Да, на английском языке. Лекции Валерия Михайловича, конечно, шли на русском. Он, как и многие представители старшего поколения научных работников, на английском только читает, но не говорит. Надо сказать, лекции были очень интересными.

Вообще, никаких особых проблем у нас не возникало, и даже с погодой повезло. Море было достаточно спокойным. Дней шесть-семь можно было совершенно безопасно проходить маршрут по водохранилищу. Тогда одновременно работали и с приборами на лодке, и на берегу с геодезическим оборудованием. Это было очень важно для построения горизонтальных и вертикальных профилей по берегам. Конечно, подчас и штормило. Тогда в море не выходили. А полтора дня из-за дождя даже из палатки нельзя было выбраться. Но всё, что было запланировано, удалось выполнить. И, конечно, очень большое внимание уделялось обработке данных, полученных при обследовании.

— А насколько важно наблюдать за происходящими на водохранилище процессами? И что это за процессы?

— Обычные для водохранилищ геоморфологические процессы. Главным образом это абразионные процессы, просадочные и оползневые явления, образование оврагов.

Понятно, что все эти процессы никак нельзя назвать полезными для

природопользования в береговой зоне. И это если не говорить о том, что при заполнении водохранилища многие населённые пункты вообще ушли под воду. Главным образом люди были переселены в крупные посёлки. Но и у этих посёлков далеко не всегда судьба складывалась благоприятно.

Например, в связи с тем, что значительная часть береговой зоны со временем была разрушена, люди стали покидать посёлок Куртак. В нём пришлось закрыть школу, так как овраг вплотную подходил к зданию. А ведь изначально этот посёлок не был предназначен к затоплению, так как расположен достаточно высоко. Но в процессе берегопереработки этот вопрос возник вновь.

И вообще, речь не только о затоплении. Если раньше территории, которые теперь оказались в береговой зоне, использовались для посева пшеницы, то сегодня они выведены из сельскохозяйственного оборота. И как сейчас эту зону близ посёлка использовать? Этот вопрос остаётся открытым.

А что касается важности наблюдения за берегами, то всегда лучше понимать, как развивается ситуация, чем оказаться застигнутым врасплох.

— А оборудование, которым сегодня располагает кафедра географии, позволяет этого избежать?

— Конечно. Более того, эти приборы могут быть использованы не только на водохранилище, но и для изучения любых гидрологических объектов — рек, озёр и искусственных

водоёмов различного происхождения. Они дают возможность не только получить 3D-изображение рельефа дна, морфологические характеристики водных объектов, но и позволяют выделить типы осадков, аккумулярованных на дне.

Всё это очень важно, так как и сегодня нельзя сказать, когда берега окончательно стабилизируются и прекратятся обрушения. Предполагалось, что на это уйдёт пятьдесят лет. Но вот они прошли, а обрушения происходят до сих пор. Вполне возможно, что в первоначальные расчёты внесли коррективы глобальные климатические изменения. А пятьдесят лет назад о них никто и не думал. Так что сроки отодвигаются.

Но всё же сейчас берега уже так сильно не разрушаются, как прежде. Были периоды, особенно при наполнении водохранилища в первые годы, когда берега за год отступали на 5-10-20 метров. Но ведь есть ещё водохранилища Севера, Ангары. И за ними тоже надо следить. Процесс формирования их берегов завершится не скоро. Конечно, в Красноярском крае есть организации, осуществляющие периодический мониторинг, но нет специализированных государственных исследовательских лабораторий, осуществляющих мониторинг береговых зон водохранилищ, нет и специалистов-геоморфологов и геологов, занимающихся непосредственно водохранилищами. Университет — это как раз то место, где можно было бы готовить таких специалистов.

— Галина Юрьевна, школа со-впала с пятидесятилетием начала заполнения водохранилища. Это как-то было отражено в программе?

— Конечно. Считаю это очень важным воспитательным моментом. На протяжении многих столетий эта ушедшая под воду земля была населена, и об этом нам всем надо помнить. Надо сказать, что очень порадовал такой факт: в Приморске одним из жителей установлен монумент в память о затопленных деревьях уже не существующего Даурского района. На нём изображена карта с обозначением затопленных посёлков. А рядом установлен памятный крест.

Но помнить надо не только о том, что было полвека назад. Отдельные участки Красноярского водохранилища совершенно уникальны с точки зрения нахождения стоянок древнего человека. Помимо этого, после разрушения берегов стали доступны множественные палеонтологические остатки палеозойского и неоплейстоценового возраста. Все эти свидетельства прошлой жизни очень важны с научной, познавательной, да и с практической точки зрения. Если серьёзно говорить о развитии туризма, то наше водохранилище — место уникальное. На его берегах можно принять огромное количество туристов. Водохранилище в настоящее время достаточно чистое, а потому ограничений по использованию этого водного ресурса нет. Несмотря на то что купальный сезон длится два-

три месяца, есть возможности для отдыха и путешествий, и весной, и зимой, и осенью.

Остаётся надеяться, что эти замечательные перспективы вполне реальны, и проводимые университетом на берегах Красноярского водохранилища исследования внесут свой вклад в их осуществление. По словам Галины Юрьевны, благодаря летней школе будущим специалистам удалось значительно продвинуться в освоении современного оборудования и в навыках ведения работ по мониторингу происходящих на берегах нашего моря процессов. А это даёт надежду, что процессы эти нас не застанут врасплох.

Галина ДМИТРИЕВА

Впечатление

Виктор Карпов, магистр-геоэколог 2-го курса Института экологии и географии

— Школа прошла замечательно. С большой пользой. Хотя я уже бывал в экспедиции, когда работал в Институте водных и экологических проблем СО РАН в Барнауле (я сам из Барнаула, сюда приехал, когда здесь кафедру географии открыли). Кстати, в том институте и с Валерием Михайловичем Савкиным познакомился. У него очень большая база данных по Красноярскому водохранилищу. Он оказывал мне поддержку при написании моей бакалаврской работы. Она была посвящена одному из участков Красноярского водохранилища.

Вообще, свою дальнейшую работу хочу связать с изучением Красноярского моря, геоморфологией берегов. Мне интересно всё, что для этой работы пригодится. Я прошёл обучение и имею документы на право вождения катера, моторной лодки и гидроцикла.

А если говорить о специальном оборудовании, то с отдельными приборами я уже был знаком. Но в нашей летней школе мы работали с приборами совсем другого класса. Узнали, как их используют зарубежные коллеги, и сами научились их применять. Например, я научился работать с американским гидролокатором бокового обзора. Это очень интересно. Прибор позволяет производить съёмку дна и строить его объёмную модель. Это очень важно, потому что рельеф дна после затопления постоянно меняется.

Школа очень понравилась. Я бы ещё дней на десять поехал. Да мы бы все поехали — нам всем понравилось. Будет здорово, если и на следующий год такую школу организуют. Данные, которые были получены в этот раз, мы сравнивали с предыдущими. Теперь хорошо бы посмотреть, что через год произойдёт. Интересно динамику увидеть.

Окно в Сибирь

Во времена моего студенчества, в начале 80-х, встретиться с иностранцем было почти то же, что увидиться с инопланетянином. Современный студент, если захочет, может уехать в любую страну мира: поработать, выучить язык, послушать лекции зарубежных мэтров. Те, кто учится в Юридическом институте СФУ, на особом положении — благодаря сотрудничеству с одним из престижных университетов Германии любой может стать участником российско-немецкой программы и по окончании курса получить сразу два диплома. А познакомиться с тем, как всё устроено, можно и до этого — в единственной в России Летней юридической школе, которая проводится на базе СФУ каждый год.

числе интенсивно учат немецкий язык, юридический немецкий. Так же как и в России, у юристов в Германии, можно сказать, свой язык, терминология, которой нужно овладеть специально.

— **Наверное, очень сложно учиться по этой программе.**

— Конечно. Но это замечательная возможность для студентов. Человек получает такой интересный опыт, как обучение в зарубежном вузе, он может посидеть в аудиториях немецкого университета, встретиться с европейской профессурой, сходить в библиотеку — всё это совершенно другой мир. А дальше... Представьте: встретились два студента, немецкий и русский, выучились, стали депутатами или заняли другие высокие должности — а в результате растёт сотрудничество между государствами.

— **Каковы особенности обучения по русско-немецкой программе?**

— У нас, например, есть новая программа получения двойного диплома, «дабл диплом». Это год в Германии и год в России, причём предметы, которые наши студенты изучают за границей, им могут зачесть как составляющие нашего учебного плана. В конце курса они ещё едут на месяц в Германию подготовиться к написанию бакалаврской работы, позаниматься в библиотеке, проконсультироваться у местных преподавателей. Затем происходит онлайн-защита диплома на английском или немецком языке: на ней присутствуют профессора обоих университетов. По окончании учёбы на отделении сравнительного правоведения выпускник получает документы двух университетов: диплом по юриспруденции и диплом переводчика в сфере профессиональной коммуникации. Это, кстати, служит и бонусом при поступлении в магистратуру.

— **Имея европейский диплом, выпускник сможет работать в любой стране?**

— Конечно. Но в основном те, кто учился по этой программе, задействованы в Москве и Санкт-Петербурге: работают в крупных адвокатских фирмах, госкорпорациях, возглавляют юротделы. Эти специалисты хорошо владеют языками и вдобавок правовыми языками двух стран, у них есть навык работы с зарубежными текстами — словом, они востребованы. Есть и те, кто трудится в крупных иностранных компаниях.

— **И все они во время учёбы посещали вашу летнюю школу...**

— Да. Вообще, обучение в нашей школе организовано по трём секциям. Одна из них предназначена именно для участников наших программ с Университетом Пассау: два года, 4 сессии по два семестра, плюс летняя двухнедельная школа между ними.

Ещё одна секция летней школы — для всех желающих. Иногда у нас учатся и выпускники, и специалисты, которые хотят прослушать конкретный курс или лекции определённого профессора. Есть ещё английское «отделение», и туда тоже может прийти любой.

Наконец, третья секция — для немецких студентов и других иностранцев, которые приезжают к нам по объявлению. Занятия в ней идут на немецком языке. Мы распространяем информацию о летней школе через специальные сайты для юристов и через университеты. Кстати, в этом году к нам приезжал юноша, который учится в Париже, в Сорбонне. Сам он имеет немецкие корни, а его родители живут в Италии. Прочитал о нашей летней школе в Интернете и приехал. Вообще, к нам едут из университетов Берлина, Гайдельберга, Мангайма, Потсдама, Гамбурга, Мюнстера... В разные годы у нас учатся от 12 до 18 человек. Некоторые вообще, приезжая, не владеют русским языком.

Главная цель летней школы — прорекламировать наше обучение. Чтобы студенты приехали, посмотрели на Сибирь и не побоялись вернуться к нам на более долгий срок. Вот в этом году на первый курс поступила одна из участниц летней школы, девушка из Германии.

— **Трудно ли иностранцам учиться у нас?**

— Смотря чему. В Германии более длительное довузовское образование, кроме того, к нам в СФУ они приезжают не после 1-го курса.

Обучаясь по совместной программе с нашими второкурсниками, иностранцы и старше, и имеют больше юридических знаний. Иностранцы удивляют наших преподавателей тем, что имеют представление об основных правовых понятиях и даже готовы поспорить.

— **Где обычно проходят летние интенсивы?**

— В последние годы на площадке Юридического института, в наших аудиториях. Питаются студенты в столовой Торгового института.

Проводятся и выездные занятия. Так, в этом году мы посещали Законодательное собрание края. Такие занятия познавательны не только для иностранцев, но и для наших студентов — не каждому представляется случай побывать в местном парламенте.

— **А на судебные процессы не ходите?**

— Раньше посещали и суды, однако подгадать, чтобы короткий процесс совпал со временем занятий в школе, непросто. Так что выбираем другие маршруты.

— **Насколько велика разница между нашими и иностранными студентами, наблюдаете ли вы столкновение культур и традиций? Иностранцы культурнее, отличаются более широкими взглядами или всё наоборот?**

— Я бы не сказала, что разница огромна. Но она, конечно, есть. Немец-

кие студенты более педантичны. Если вдруг нам приходится с утра на обеденное время перенести встречу, например с депутатом — так ему оказалось удобнее, — нашим студентам всё равно. Но иностранцы на это реагируют очень остро. Если в программе указано, что встреча состоится утром, всё должно быть соблюдено!

Кроме того, каждый раз немецкие студенты просят подробно расписать все планы поездки — какую одежду с собой брать, в чём, к примеру, идти на Столбы, в баню. Словом, всё должно быть детализировано по максимуму.

Что касается общекультурного уровня, то тут всё зависит от семьи. Но в целом моё впечатление такое: за границей осведомлены в основном о своей культуре, а о нашей имеют слабое представление. Наши же студенты более открыты, они разбираются и в том, и в другом.

— **А в образовании значительные различия?**

— Главное из них состоит в том, что у нас есть стандартный учебный план. И хотя студенты могут выбирать специализацию, это не носит индивидуального характера. А в Германии каждый сам выбирает себе предметы, чтобы набрать определённое количество баллов. В Пассау, например, существуют три кафедры уголовного права, и можно пройти курс обучения сразу на всех трёх с разными профессорами.

Экзамены там сдают на региональном уровне. Диплом в Пассау выдаёт министерство образования Баварии. А мы всё согласовываем с Москвой. Таким образом, бюрократизация учебного процесса там ниже.

В целом немецкий студент гораздо более самостоятелен, чем русский. У нас во время учёбы обязательно посещение лекций, семинаров. А у немцев это добровольно. Дело самого студента, ходит он на лекции или нет. Их семинары больше похожи на научные кружки — участники готовят тему, презентуют её.

Проходишь мимо немецкой библиотеки — все сидят, головы склонили. Ещё можно отметить, что немцы больше склонны учиться по книгам, в отличие от наших, всё черпающих в Интернете.

Очень жёстко там поставлен вопрос плагиата. Если студент окажется уличён в заимствовании, его сразу отчисляют, и ни о каком восстановлении речи нет. Он будет вынужден искать себе другую профессию.

— **Похожи ли правовые системы Германии и России?**

— В том, что касается основных отраслей права, мы совпадаем. Другое дело, если взять гражданское, финансовое, налоговое право — тут у каждой страны свой специалитет.

Явное различие в том, что, конечно, такой нагрузки, как у наших судей, у немецких законников нет. Когда мы рассказали, сколько дел ведёт наш судья в месяц, немецкие студенты посчитали, что им предложили неправильный перевод.

— **Помогает ли летняя школа разрушать стереотипы?**

— Вероятно, да. Очень многие, приезжая к нам, поражаются масштабам Красноярска, городской инфраструктуре. Немцы живут в основном в небольших городах, и им трудно привыкнуть, что от кампуса до университетского корпуса нужно каждый раз проезжать большое расстояние.

Непривычна для них и такая вовлечённость в учебный процесс, в постоянные занятия, как у наших — там, повторюсь, студенты достаточно са-

мостоятельны и сами распределяют своё время.

— **Что больше всего им нравится в Сибири, а что нет?**

— Всегда отмечают доброжелательное отношение со стороны и наших студентов, и преподавателей, и просто людей на улице. Многие пишут о том, что на рынке или в магазине им помогают выбирать подарки. Между прочим, в Германии телевидение Россию изображает очень негативно: постоянно показывают картины нищеты, стариков, роющихся на помойке. Приехав сюда, студенты поражаются, что многое выглядит иначе. Также они часто и не предполагают, что в Сибири такая природа.

Очень довольны всегда бывают питанием. Казалось бы, что особенно хорошего в студенческой столовой? Но им нравится, что всё натуральное: щи, борщи, никакие полуфабрикатов. Кстати, каждый год они дарят поварами подарки и цветы, благодарят их.

Не совсем довольны участники программы условиями проживания: в немецких общежитиях кухня рассчитана на две комнаты, а у нас она одна на этаж. Завтраком их тоже кормят в столовой, но гостям хотелось бы иметь возможность и самостоятельно готовить.

— **Что самое сложное для вас в организации летней школы?**

— Конечно, было бы хорошо, если бы мы имели возможность проводить её за городом. Но, к сожалению, это очень дорогой вариант. В первые годы после образования СФУ нам удалось получить деньги на то, чтобы организовать занятия школы на базе отдыха «Бузим» — и те, кто учился в это время, сохранили особенные воспоминания. Всё-таки это совсем другой уровень общения. Многие вспоминают и поездку в Шушенское: там на тот момент шла война между коммунальщиками, и в гостинице не было горячей воды. Зато были необыкновенные посиделки на берегу Ои, баня, шашлыки, песни у костра... Такого явно не хватает летней школе, замкнутой в городе.

— **Наши и немецкие студенты успевают подружиться за пару недель?**

— Конечно. Мало того, некоторые потом успевают съездить на Байкал или в другие места.

С такими путешествиями иногда забавно получается. Например, приходят иностранцы на занятия и спрашивают: а можно мы завтра съездим на Байкал? И когда узнают, что до озера ещё 1000 км, очень удивляются. Они же столько проехали — Байкал должен быть совсем рядом!

— **Сколько всего человек учится в летней школе?**

— Около 60. Причём не только из СФУ, но и из агроуниверситета. Кроме немцев приезжают китайцы, киргизы, студенты из других стран. Занятия ведут обычно 6–8 иностранных преподавателей. Среди них в этом году было 4 немца, 1 англичанин и 1 австралиец, преподающий в японском университете.

— **Ученики платят за обучение в летней школе?**

— Нет, только за питание. А преподавателям Сибирский федеральный университет платит за работу и компенсирует проезд в Красноярск.

— **На каких именно темах специализируется преподавание в летней школе?**

— Наши студенты изучают уголовное европейское право на немецком языке, а немецким студентам преподаватели рассказывают о российском

конституционном, уголовном и гражданском праве. Также иностранцы изучают русский язык.

Занятия проходят и на английском: в этом году, например, рассматривали особенности охраны прав в рамках европейской конвенции. В наше время некоторые моменты, например работорговля, актуализировались...

В прошлом году преподаватель из Японии вёл обучение по теме ВТО. Нашим первокурсникам было сложновато, так что мы попросили старшекурсников «прочитать» им вводную лекцию по теме, чтобы легче было понять её изложение на английском.

Немецким студентам часто преподают те, кто уже отучился у нас по немецкой программе. А российскому праву их у нас обучают на немецком языке, поскольку найти иностранцев, которые смогут слушать курс на русском, проблематично.

— **Кто-то из учеников летней школы потом специализируется по российскому праву? И изучают ли этот предмет в немецких университетах?**

— Многие выбирают такую специализацию! Есть и те, кто пишет книги, переводит наши учебники на немецкий язык.

Университет Пассау интересен как раз тем, что специализируется на преподавании права и языка других стран. Он более молодой, чем университет имени Гумбольдта в Берлине или университет Гайдельберга, но считается учебным заведением высокого уровня. Как говорят местные преподаватели, достаточно посмотреть, какие машины припаркованы перед входом. Всё как у нас.

— **Кстати, изменилось ли что-либо в отношениях наших стран в связи с переменами во внешней политике?**

— В феврале, во время наших каникул, я была в Германии и как координатор российско-немецкой программы выступала перед студентами, изучающими русский язык. Всегда очень жду, какими будут вопросы после выступления. Так вот, меня спрашивали: сколько часов лететь до Красноярска, сколько у нас в городе жителей, есть ли ночные клубы... Какая политика?

Хотя, конечно, студенты часто вступают в политические дискуссии, когда встречаются в летней школе во время перерывов или на обеде.

— **Какая страна у вас любимая?**

— Россия. Конечно, и в Германии, и в Чехии у меня много друзей: за столько лет добрые личные отношения сложились со многими коллегами. Кстати, в редакцию гуманитарной серии Научного журнала СФУ входит профессор ДЕДЕРЕР из Пассау, соруководитель нашей программы, и профессор ДОМОГОРСКИЙ из Карлова университета.

Наше сотрудничество с Карловым университетом началось в начале 90-х, когда я на 10 месяцев уезжала в Чехию на стажировку. Опять же что касается внешней политики: с того времени отношение к России очень поменялось. Если в 90-е годы на улицах с нами не хотели говорить по-русски, то сегодня — запросто.

Наши студенты тоже ездят в Чехию, чешские — в наш институт. Правда, за проезд к месту обучения в Праге приходится платить, в то время как по нашим немецким программам дорога оплачивается немецкой стороной.

— **Планируется ли налаживать сотрудничество Юридического института с другими университетами?**

— Сейчас у нас активно развивается китайское направление. Появляются студенты из Китая, уже второй

суда на правовую систему России и Германии». Актуальную после выхода известного постановления нашего Конституционного суда о том, что исполнение решений Европейского суда в России не носит обязательного характера, если оно не соответствует нашей Конституции.

С европейскими коллегами у нас по этому поводу возникли разногласия — они считают, что раз конвенция подписана, исполнение решений должно быть автоматическим. А у нас свой подход...

Конференция состоится в конце сентября, на неё приедут заметные учёные из Германии, наши коллеги из Санкт-Петербургского и Московского университетов. Мы стараемся, чтобы всё прошло достойно, и позиции выступавших были аргументированными. Немцы тоже подготовили достойных «противников».

— **А какова ваша личная позиция по этому вопросу?**

— Время написания ельцинской Конституции — это период увлечения западной свободой. Конечно, сравнивая наш Основной закон с конституциями Германии, Испании, Великобритании, других стран, мы видим, что в нём есть определённые противоречия. И крен в ту сторону, что в случае несовпадения международных и российских норм следует выбирать первые, на мой взгляд, не соответствует национальному суверенитету.

Кстати, и в Европе случаются примеры таких противоречий. Наши коллеги-профессора в Германии относятся к государственным служащим и, значит, не имеют права на забастовки, несогласие с чем-либо. Так вот, Европейский суд принял решение, что этот запрет противоречит нормам трудового права — и вопрос подвис. Или взять Швейцарию. В одном из её кантонов есть закон, что голосовать может только тот, кто имеет право носить оружие. Он действовал столетиями и никого особенно не волновал, однако появилось решение Европейского суда, что это ущемляет права женщин... Так что избирательное отношение к судебной практике за границей имеет место.

— **Кстати, почему Европейский суд по правам человека рассматривает так много дел от жителей России?**

— Если соотнести количество таких обращений с численностью населения, я не думаю, что мы окажемся впереди планеты всей.

Вообще, говорить о справедливости европейцев трудно. Ангажированность там присутствует. К примеру, некоторые дела лежали там лет по семь, а сейчас вдруг принимаются к рассмотрению. Но отстраниться от ситуации и не пытаться что-то изменить — тоже не вариант. В летней школе мы спорили об этом со студентами. В свете недавних событий необходимо, например, хорошо знать спортивное право, входить в эти отраслевые ассоциации, брать дело в свои руки, а не стоять в отдалении и жаловаться на то, что мир к нам несправедлив.

Я считаю, что у нас растёт хорошее поколение. Иногда бывает, что, начиная учиться, студенты говорят: практика одно, теория другое. Но проходит совсем немного времени, и мы начинаем общаться на другом уровне: они понимают, что где-то что-то недослышали, недопоняли, и начинают совсем иначе относиться к учёбе.

Татьяна АЛЁШИНА

В начале было поле

Кто мы? Где мы? С кем мы? Каждая нация в переломный период своей истории задаётся подобными вопросами. И если учесть, что в России каждые 20-30 лет являются переломными, снова приходится определяться с тем, что же такое — русское и кто такой русский человек, причём в эту категорию неизбежно попадают все, кто говорит и мыслит по-русски, независимо от национальности. Потому что — да — в начале было Слово. Хотя сегодняшняя наша собеседница утверждает, что в идентификации русского молодые россияне поставили «слово» на четвёртое место, на первое же вышло — «поле». Русское поле. Именно конструированию русской культурной идентичности посвятила свою кандидатскую диссертацию, защищённую этим летом, Мария КОЛЕСНИК, преподаватель кафедры культурологии Гуманитарного института СФУ.

— Сейчас много говорят о кризисе русской национальной идеи. Как вы думаете, чем это можно объяснить? Может ли общество развиваться, не имея национальной идеи?

— Вообще, о русской идее у нас стали говорить и активно обсуждать эту тему в XIX веке. Меня в этом больше всего интересует: а насколько это важно? О национальной идее больше всего говорят философы и политики. Как обсуждение национальной идеи может стать естественным для обычных людей и зачем им национальная идея — мне кажется, над этим стоит подумать.

— Да, для ежедневного употребления, так сказать, национальная идея, пожалуй, не требуется. Но если случается какой-то кризис или война, наверняка нужно что-то объединяющее? Например, как в Отечественную войну 1812 года, в Великую Отечественную...

— В Великую Отечественную войну мобилизация всех людей случилась благодаря культурным кодам, которые сформировала интеллектуальная часть населения: поэты, писатели, композиторы, художники, актёры, режиссёры, исполнители. Произошла культурная консолидация нации. Что касается национальной идеи, то как её можно обозначить?

— Но при социализме она была?

— Была идеология, а национальную идею до сих пор пытаются сформулировать. И возникает вопрос — а надо ли заботиться о единственно верной формулировке? Национальная культурная идентичность, так или иначе, складывается. Этот процесс фиксируют многие исследователи. Мне кажется, что можно рассуждать об особенностях современного этапа формирования национальной культурной идентичности.

— Какой в сегодняшнем мире образ русского человека? Кстати, под это определение попадают все русскоязычные. Что повлияло на формирование этого образа? Последнее время негатива в сторону России в западных СМИ хватает, хотя на уровне контактов обычных людей вроде бы такого не скажешь.

— Образ формируется, как вы уже заметили, в СМИ, в публичном информационном пространстве. Если я включаю телевизор, я получаю в большей степени негативную информацию. Не важно, образ человека какой национальности будет сформирован негативно. Нам подаётся один образ, людям в других странах — другой, это условия современного мира, где происходят информационные войны.

— Действительно, иностранцы с русскими ассоциируют всех русскоязычных: если ты говоришь на русском

языке, то ты русский. Это естественно. Ведь одним из основных признаков принадлежности к какому-либо этносу или национальности является умение говорить на языке этой группы. Многие исследователи, которые занимались проблемами национальной и этнической идентичности, этот факт отмечают. Язык — важнейший фактор, который позволяет консолидировать людей, даёт им определённый способ мышления и картину мира.

Что касается того, каков образ русского человека на сегодняшний день, то я не возьмусь голословно судить об этом. В своём исследовании, например, я изучала только то, какое представление о «русском» имеет наша современная молодёжь, которая живёт здесь, учится в наших университетах. Была применена специальная методика...

— Поделитесь, пожалуйста, результатами, что же ассоциирует с образом русского человека современная молодёжь?

— Изучались связи со словом-ассоциантом «русское». Я проводила ассоциативный эксперимент по методике А.И. НАЗАРОВА и Р.В. СОКОЛОВА, с применением которой учёные, работающие на кафедре культурологии СФУ, провели немало исследований. В результате данного исследования было определено, с чем же современная молодёжь связывает слово «русское». Было много слов-ассоциаций, и в конечном итоге зафиксировано, что на данном этапе нет какого-то цельного представления о «русском». Поскольку ассоциаций было много, то частота повторений слов достаточно маленькая.

— Вы опрашивали студентов СФУ?

— Не только, были привлечены

также студенты Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого. В самом СФУ в опросе приняли участие студенты разных институтов: Гуманитарного, Института нефти и газа, Института архитектуры и дизайна.

— Отвечали не только русские, но и студенты других национальностей?

— Конечно. Ведь наша студенческая аудитория многонациональная. И вот так получилось, что наибольшая частота повторений — а это слово, которое повторилось 31 раз — у слова «поле». Причём всего было 1231 слово. Другие, наиболее часто названные слова: «медведь», «водка», слово «слово» — здесь 26 повторений, а также «матрёшка». В целом, можно говорить о том, что представления о «русском» среди молодёжи довольно стереотипны.

— Да, и как ни странно, они совпадают с представлениями о нас иностранцев.

— Я считаю, что этому способствовало наше собственное русскоязычное информационное пространство.

Если мы возьмём наши туристические зоны, то первые сувениры, которые продаются на всех развалах, — это матрёшки, шапки-ушанки, да и водка пропагандируется повсюду. Плохо это или хорошо, отдельная тема.

Эти же стереотипы мы можем увидеть практически в любом зарубежном фильме, в котором появляются образы русских людей и русского мира.

Важно то, что в основном ассоциации со словом «русское» у молодых людей были позитивными. Негативных слов было очень мало, и они большей частью были связаны со сферами экономики и политики. Наиболее крупными группами слов получились три. Связанные с едой — всего 100 слов, среди них такие, как водка, пельмени, блины, борщ. Слова, характеризующие природу и климат — 98 (поле, лес, берёза, мороз, тайга). И связанные с искусством и культурой — просто указывающие на эту сферу; например, искусство, творчество, литература, архитектура и другие. Очевидно, что именно в этих сферах более всего укрепилось представление о национальном.

Много ассоциаций связано с образом человека — названы его обозначения, черты характера. И, что интересно, превалирует женский образ: светловолосая девушка с голубыми глазами. Мужчины тоже представляются светловолосыми и голубоглазыми — и здесь, конечно, явное расхождение с реальным образом среднестатистического русского человека. А ещё подтвердилась наша гипотеза — часто встречались слова, которые связаны со сферами народного творчества, с профессиональным творчеством и фольклором. Такие ассоциации, как русское искусство, русское творчество, культура, танцы, традиции, матрёшка, сказка, хохлома.

— Писателей не называли?

— Имен было мало. И это не связано с тем, что молодые люди не читают, просто по условиям опроса они должны были назвать первое, что придёт на ум.

Интересно, что слово матрёшка оказалось среди лидеров по частоте упоминания, а ведь редко кто сейчас детям покупает матрёшки. Слово «балалайка» встречалось довольно часто, хотя мы не слушаем её каждый день.

Можно упомянуть интересные ассоциации о характере человека: слово «сила» употреблялось чаще всего. Мужество, смекалка, мощь, мудрость... И редко когда негативные ассоциации — жадность, например, встретилось всего лишь один раз.

— Как художественное творчество влияет на формирование русской идентичности?

— Это один из самых важных факторов. Основная идея моей научной работы состоит в том, что именно средствами искусства мы можем конструировать позитивную культурную русскую идентичность. Понятно, что есть представители научных кругов, которые считают, что эффективно эту идентичность можно конструировать средствами политики, средствами СМИ, в рамках школьной программы по истории. Мы же предположили, что именно искусство в целом более эффективно выполняет эту функцию.

Понятно, что народное творчество — это одно, а профессиональное — несколько иное. Поскольку народное творчество — это тот способ, посредством которого традиции передавались из поколения в поколение естественным образом. А вот профессиональное творчество связано с инновациями, с моей точки зрения. И художники имеют возможность сформировать идентичность целого народа по-новому.

Вообще, существует несколько точек зрения на то, как формируется национальная идентичность. Среди них есть и такая, что она даётся от природы, от рождения.

— Может быть, имеется в виду, что передаются какие-то генетические склонности, психологические особенности?

— Да. Другая же точка зрения состоит в том, что любые национальные идентичности постоянно конструируются. Мы можем, конечно, не на пустом месте, но сконструировать новое. История нам даёт такие примеры. Русская идентичность активно конструировалась на протяжении XIX века. Особенно активно связан с этим процессом рубеж XIX и XX веков. А потом произошла Октябрьская революция, и у нас стала конструироваться совсем другая идентичность: советская. После распада СССР был период, когда советская идентичность перестала соответствовать современным реалиям, а новая идентичность ещё не начала формироваться.

— Последние лет пятнадцать, я полагаю, конструируется новая идентичность?

— Очевидно. Но она явно уже не будет повторять ту модель, которая была предложена на рубеже прошлых веков. Рубеж XIX-XX веков мы можем рассматривать в качестве эталонного периода, когда русская идентичность была сформирована в немалой степени благодаря трудам художников того времени. В частности, в моей диссертационной работе было выделено творчество Ивана Яковлевича БИЛИБИНА в качестве яркого при-

мера того, как художественными средствами проявляется сущность русской идентичности, как изобразительное искусство может работать на конструирование культурной идентичности.

— Хотя, возможно, почву для этого подготавливали ещё передвижники?..

— Конечно. И ещё раньше, в начале XIX века, когда начал формироваться русский литературный язык, появились русская поэзия, романы, возникла художественная школа, которая формировалась ещё раньше — весь XVIII век. Появились постановки первых русских опер. Процесс этот был довольно-таки длительный, сопровождаемый дискуссиями славянофилов и западников во второй половине XIX века.

— Почему в качестве примера формирования национальной идентичности вы взяли именно художников?

— Можно было рассматривать и музыку, и литературу. Но я выбрала произведения изобразительного искусства, потому что это перекликается с современной ситуацией. Современное общество всё-таки тяготеет к визуальной культуре. Визуальные образы современный человек воспринимает легче, более естественно.

Кроме того, выбор произведений Ивана Яковлевича Билибина для анализа связан с тем, что он иллюстрировал народные сказки, переводил таким образом образы устного народного творчества в образы визуальные. Причём подходил он к этому делу очень серьёзно, тщательно изучая предметы народного искусства.

— Вроде бы он даже ездил на русский Север изучать местное искусство?

— Да, он ездил в этнографические экспедиции, в которых собирал коллекции предметов народного творчества и русского костюма. Есть такой штамп по поводу Билибина, что он поверхностен и занимался стилизацией под русскую старину. Считаю, это не так. Конечно, некоторая стилизация присутствует, но поверхностным его назвать никак нельзя.

— О Билибине пишут, что он исследовал традиции как лубка, так и иконописи, поэтому у него такой чёткий рисунок.

— Да, конечно же, исследовал. Сам выбор им произведений для иллюстраций — это былины и сказки.

— В среде культурологов его тоже считают носителем русской идентичности?

— По крайней мере, есть множество подражателей «билибинскому стилю». И многие издания детских сказок иллюстрируются именно под этот стиль по сей день, причём и за рубежом он востребован.

— Можно утверждать, что русские сказки и былины прочно ассоциируются с творчеством художника Билибина?

— Это можно предполагать, но здесь есть такой интересный факт: кого ни спросишь, мало кто знает фамилию Билибин, если же показать картину, узнают сразу — видели.

— Не помню, когда в первый раз увидела картину «Иван-царевич и Жар-птица», мне кажется, я знала её всегда. При советской власти, видимо, выпускалось много хорошей детской литературы с прекрасными иллюстрациями.

— Репродукция картины «Иван-царевич и Жар-птица» часто появляется в учебниках. А хорошие издания

выпускаются и сегодня. Опять же, выходят прекрасные сборники сказок с иллюстрациями И.Я. Билибина.

— Но почему роль именно этого художника в формировании русской идентичности вы расцениваете особенно высоко? Наверное, не все с этим согласятся.

— Конечно, есть определённые споры, почему именно Билибин, а не ВАСНЕЦОВ, например. Но ещё раз подчеркну, что он работал над иллюстрациями к сказкам, которые являются такой формой народного творчества и народной культуры, в которой национальные архетипы сохраняются. И, собственно, эти архетипы он смог высветить в своих произведениях. Для анализа были выбраны две иллюстрации — «Кашей Бессмертный» к сказке «Марья Моревна» и «Василиса Прекрасная уходит из дома Бабы Яги» к сказке «Василиса Прекрасная». Кашей, что интересно, кроме как в русском фольклоре, больше нигде не встречается. И он у Билибина нетипичный, не тот образ, к которому мы привыкли в наших мультфильмах и киносказках.

— Его нет у других народов?

— Его пытаются связать с образом Аида, но это не совсем то. Где-то прослеживаются общие черты, но на много интереснее было посмотреть, каков образ Кашей Бессмертного именно в билибинских произведениях. У художников он всё-таки по-разному интерпретирован.

Мы стереотипно привыкли ассоциировать Кашей с абсолютным злом, и он, конечно же, плохой персонаж, с точки зрения современного зрителя и читателя. Но что мы видим в

произведении Билибина? Мы видим олицетворение стихии, и художник эту стихию в каком-то смысле даже реабилитирует. Здесь нельзя сказать — добрый или злой этот персонаж. Он наделён определёнными фантастическими свойствами, Кашей на картине в состоянии погони, замахивается мечом. Это просто разгул стихии, и он связан с силами природы. Такая черта русского мира — стихийность.

— А Василиса Прекрасная, должно быть, изображает другую сторону русского мира — мудрость?

— И мягкость. Наши студенты тоже ассоциировали русское с женским миром, здесь присутствуют мягкость и гибкость.

Кроме того, на примере картины с Василисой Прекрасной видно, что русский мир не жёстко полярен, изображены не день и не ночь, но промежуточные состояния. Он разный. Мир, населённый духами и людьми, мир природы — всё это воспринимается в единстве.

Здесь, кроме того, присутствует намеками образ Бабы Яги: есть избушка на курьих ножках, лес, изгородь. Баба Яга в сказке, как она записана Александром Николаевичем АФАНАСЬЕВЫМ, отпустила Василису, и та опростетью побежала домой. На иллюстрации И.Я. Билибина мы не видим никакого активного действия, даже не сразу можем напугаться, понять, что у героини в руках светящийся череп, и забор из черепов тоже не сразу видится, и избушка тоже никак не может у нас ассоциироваться с обителью зла. В общем-то, избушка где-то даже оберегает героиню, служит ей определённым фоном. И вот это со-

прикосновение разных миров, оно здесь представлено: мир людей, мир сверхъестественного, мир природы.

— Жар-птица — тоже неоднозначный персонаж...

— Да, это важный персонаж не только в русском фольклоре, но и в русском искусстве. Образ птицы часто транслируется в декоративно-прикладном искусстве. Можно вспомнить балет Игоря СТРАВИНСКОГО «Жар-птица» и костюмы, которые к нему делал Лев БАКСТ, тоже, кстати, современник Билибина. Это знаковый образ, связанный с бессмертием, преодолением невозможного и возрождения.

— Как вы считаете, влияет глобализация на национальные ценности?

— Глобализация, конечно, необратимый процесс, с которым необходимо считаться. Сегодня мы ежедневно пользуемся техникой, которая распространена во всём мире, читаем книги, которые популярны во всём мире, смотрим фильмы, которые смотрят в других странах... И этот процесс будет продолжаться.

— Почему вы взялись за эту тему и планируете ли дальше развивать её?

— Конечно, я собираюсь и дальше её продолжать. На нашей кафедре постоянно проводятся исследования, в том числе связанные с вопросами региональной идентичности. Очень много работ на эти темы уже опубликовано, эти процессы важны и интересны. А взялась я за тему, во-первых, потому что она сама по себе увлекательна, и, во-вторых, потому что у меня есть искусствоведческое образование, мне хотелось работать с произведениями искусства. Мы обсуждали возможные направления исследования с моим научным руководителем Натальей Петровной КОПЦЕВОЙ, и тема русской культурной идентичности мне подошла как нельзя лучше, поскольку русская культура сложна и многогранна, а вопросы, связанные с особенностями русского мира и русского человека, не могут не волновать нас всех и меня лично.

Елена НИКИТИНСКАЯ

Строим экомегполис

Как сделать город более экологичным в условиях уже существующей застройки? Задача эта во всех отношениях сложная, а потому очень интересна для тех, кто может себе позволить дать волю фантазии, не закликаясь на разных «невозможно». Тем более, что многое из невозможного довольно быстро может стать возможным. А потому тема «Экологизация строительства в условиях урбанизированных территорий», выбранная в этом году Инженерно-строительным институтом СФУ для своей международной летней школы, оказалась интересна как нашим студентам, так и иностранным.

Школа, образовательная программа которой включала большой объём лекционных занятий, семинаров и выездных практик, прошла в середине июля. О её подготовке, проведении, изучаемых проблемах, идеях и результатах рассказывает Ольга ДУБРОВСКАЯ, кандидат технических наук, заместитель директора Инженерно-строительного института СФУ.

— К такому масштабному мероприятию, как международная летняя школа, мы готовились в течение всего года, — признаётся Ольга Геннадьевна. — В основу были положены соглашения о сотрудничестве между Чешским техническим университетом, Сибирским федеральным университетом и Пекинским транспортным университетом. Проводились переговоры и с теми университетами, которым было бы интересно к нам приехать.

Конечно, для этого мы заявляли не только проблемы, которые интересуют нас в условиях Сибири и России в целом. Проблема и тематика были продиктованы общемировым трендом перехода к так называемому зелёному строительству. В результате школой заинтересовались тайваньцы, итальянцы и поляки. Таким образом, помимо трёх уже названных вузов к нам приехали представители Миланского технологического университета, Тайваньского университета техники и технологий и Технологического университета Вроцлава. В общей сложности в школе на обучении было двадцать три иностранных студента.

Образовательная тематика школы была направлена на решение следующей проблемы: как в условиях уже существующих городов с большим населением и с исторически сложившейся застройкой обеспечить комфортное проживание жителям, исходя из современных экологических представлений. Надо сказать, что предлагаемые участниками школы подходы оказались достаточно разнообразными. Каждая делегация представила свой взгляд на проблему.

Три команды — три проекта

Условно школа была разделена на три группы. О работе этих групп и выполненных в результате проектах Ольга Геннадьевна рассказала во всех подробностях:

— Первая группа работала над подбором современных экологически чистых строительных материалов, для чего были проведены большие лабораторные исследования. Главным образом рассматривались материалы на основе древесины. Их испытывали на прочность, выявляли экологические характеристики химических составляющих и так далее. Конечно, как альтернативу рассматривали и широко используемые сегодня материалы, в частности, различные бетоны. Но в результате всё же предпочли строить из дерева. Эту группу возглавлял Александр Фёдорович РОЖКОВ, заведующий учебной лабораторией «Испытания строительных материалов и конструкций» кафедры строительных конструкций и управляемых систем.

Вторая группа занималась городской транспортной инфраструктурой. С нашей стороны её возглавил заведующий кафедрой автомобильных дорог и городских сооружений Вадим Вячеславович СЕРВАТИНСКИЙ, а со стороны гостей профессор Лао Мин Чи из Тайваньского университета. Кстати, как ни странно, но тайваньские дорожные проблемы оказались во многом схожи с нашими, российскими.

Эта группа занималась рассмотрением особо прочных материалов для строительства дорог. Именно эти материалы они и исследовали в лабораториях. Но помимо вопросов, связанных с созданием дорожного покрытия, членами группы предлагались ещё и схемы внутригородских дорожных развязок. И надо сказать, что предложенный ими проект был достаточно интересен и оказался вполне приемлемым и для наших условий.

Третья группа, которую возглавляла я и профессор Миланского университета Габриэлла БОЛЬЗОН, изучала возможности так называемого оборотного использования ресурсов. В частности, оборотного использования воды.

Вообще-то, мы, живя на прекрасной полноводной реке, привыкли к воде относиться легко, если не сказать легкомысленно. Сама по себе она у нас чистая и даже имеет серебряную медаль по качеству воды в источнике. А в условиях Европы, Китая, а тем более Тайваня пресная вода — это достаточно дорогой ресурс. А потому к воде они относятся бережно и, разумеется, так, как мы, её не используют.

Надо сказать, сегодня весь мир нацелен на то, чтобы пускать воду в оборотные системы, позволяющие ей после прохождения очистки возвращаться в виде технической воды без сброса в источники водоснабжения. Это значительно снижает экологические риски, связанные с загрязнением водоёмов. Да и урбанизированные

территории тратят меньше чистого природного ресурса на обеспечение своей жизнедеятельности. К сожалению, мы пока об этом особо не беспокоимся. Итальянцы и поляки просто испытали шок, увидев, как у нас по утрам поливаются улицы. А узнав, что поливаются они питьевой водой, заявили, что мы, похоже, очень богатые люди, раз позволяем себе такую роскошь.

Здесь, кстати, надо заметить, что у нас есть очистные сооружения, у которых на выходе вода вполне соответствует гигиеническим нормам источника. Но пока по нашим действующим нормативам использовать такую воду запрещено. Вот мы и поливаем землю и асфальт питьевой.

По результатам проведённых работ эта группа тоже предложила своё решение использования оборотных ресурсов в условиях плотно населённых городов. Но надо признать, что в наших условиях у него нет серьёзных перспектив. Конечно, оборотное водоснабжение — это замечательно. Но в нашей уже существующей застройке невозможно быстро внедрить эти оборотные системы. Всё же они больше подходят для строительства новых микрорайонов, строящихся по концепции «умный город».

Таким образом, у нашей летней школы на выходе получилось три разноплановых проекта, представленных в виде презентаций. По результатам были выданы международные сертификаты, которые засчитываются как отдельный предмет в учебном плане, что важно для студентов. В сертификатах были прописаны все лекции, которые читали наши и четыре приглашённых профессора. Тематика этих лекций была достаточно разноплановой. Например, Габриэлла Бользон помимо экологии читала лекцию по управлению городской инфраструктурой и планированию.

Надо сказать, что наиболее перспективными из трёх выбранных школой направлений оказались строительные материалы и строительные конструкции. По крайней мере, для наших условий. Да и проекты там получились такие, что просто бери и воплощай.

Хотя в отношении строительных материалов, как и с водой, мы пока чувствуем себя очень свободно. Приходится признать, что в большинстве случаев стройматериалы у нас экологическую экспертизу не проходят. Это в Европе давно перешли на кодификатор ИСО*. Там просто невозможно построить жилой дом, если используемые материалы не имеют этой кодировки.

ИСО — пакет международных стандартов качества, принятых Международной организацией по стандартизации — International Organization for Standardization — и применяемых во всём мире. — ред.

Вообще, в Европе сейчас существует ранжирование микрорайонов по экологической чистоте. И там к этому подходят совершенно не так, как в России. Допустим, у нас в Красноярске Академгородок считается самым чистым микрорайоном только лишь потому, что стоит в лесу. Но если рассмотреть те дома, что там построены, ни о какой экологичности говорить не придётся. А в Европе всё оценивается комплексно — используются ли в доме энергосберегающие технологии, из чего он построен, где находится. И в результате даётся экологический ранг, от которого очень зависит цена на жильё.

Естественно, экологически чистое жильё на этапе приобретения далеко не дешёвое. Но в процессе эксплуатации оно оказывается гораздо дешевле, чем наши стандартные бетонные коробки. Кстати, с точки зрения экологии проигрывает и кирпич. Поэтому часть европейских стран вернулись к деревянному домостроению. И такие проекты тоже были представлены студентами в нашей летней школе.

Если говорить о группе транспортников, то предложения иностранных гостей тоже не соответствовали нашим общепринятым стереотипам. Например, идея создания огромных пешеходных зон, соединяющих весь город в единую систему, дополненную так называемыми объездными дорогами.

Нам с нашей ментальностью трудно представить, что весь центр города может быть закрыт для транспорта, несмотря на то что там очень плотная историческая застройка с её узкими проездами. И что с точки зрения выхлопных газов присутствие там автотранспорта — это просто экологическая катастрофа. Что мы, собственно, и ощущаем. Так что нацеленность участников школы была вполне определённой — транспортом надо пользоваться только по мере необходимости и там, где без него уж совсем нельзя обойтись. Нам это пока трудно принять. Мы вообще убеждены, что по городу можно перемещаться только при помощи автомобиля и никак иначе.

Другая идея, высказанная этой группой, состояла в том, что город должен быть концентрирован, скажем так, по месту пользования. Допустим, есть административный центр, в который всем за чем-нибудь надо ехать. Значит, он должен быть всем доступен и не становиться очагом напряжённости.

Или, например, медицинские комплексы. У нас так исторически сложилось, что они разбросаны по всему городу. Тайваньцы же считают, что это нецелесообразно. По их мнению, большие медицинские комплексы должны быть сконцентрированы в одном месте, которое для всех было бы удобно. Мы это предложение не оспаривали, т.к. были достаточно серьёзные аргументы, среди которых основной — оптимальное использование дорогостоящего оборудования, хорошо обученного персонала и взаимодействие специалистов разного профиля.

А что касается транспортной доступности таких медицинских центров, то, по мнению тайваньцев, надо просто создать правильный транспортный коридор. И тогда машина скорой помощи больше расстояние преодолит быстрее, чем позволяют наши дорожные пробки даже при малых расстояниях. Конечно, с

этим трудно спорить. Но только как создать этот самый правильный коридор, допустим, в условиях нашего города?

И ещё один момент. Все наши гости очень удивлялись, что мы практически отказались от электротранспорта, который изначально экологичен, а мы его не развиваем, хотя у нас для этого, казалось бы, есть все возможности. Они нашли наше засилье автобусов совершенно нецелесообразным, сделав однозначный вывод: хотите дышать чистым воздухом — развивайте общественный электротранспорт.

В ходе обсуждения различных вариантов решений транспортных проблем Красноярска гостями было сделано предложение, которое в своё время предлагалось и нашим институтом — часть районов соединить фуникулёрным сообщением, т.к. перепады высот в городе достаточные. Но это уже из области экологической фантастики.

Если говорить о культурной программе нашей школы, то она была тоже достаточно интересной. Конечно, мы показали все красоты, какие только могли, включая Красноярское море, которое прошли на теплоходе до Царских ворот. Побывали и на Столбах, и в фан-парке Бобровый лог. Для наших гостей это было просто потрясением — такие чудеса в черте города. И вообще, они были удивлены и поражены, какими мощными природными ресурсами обладает Красноярск — такие прекрасные лесные массивы вокруг. Правда, удивились и тому, что город так хаотично застроен.

Новая школа, новые темы, новые встречи и впечатления

Организованная на базе Инженерно-строительного института международная летняя школа прошла исключительно удачно. На следующий год планируется ещё одна летняя школа. Есть планы поработать с Иркутским национальным исследовательским техническим университетом и часть работы провести на Байкале, увидеть который выразили желание все участники нынешней школы.

О том, какими могут быть темы и каковы перспективы следующей школы, говорит директор Инженерно-строительного института СФУ, доктор технических наук, профессор Иван Семёнович ИИЖУТОВ.

— Основная цель проводимых нами летних школ — выход строительной специальности университета на международный уровень. В первую очередь связанный с магистерскими программами. Цель эту достичь за один приём невозможно. Надо проделать достаточно долгий путь, состоящий из хорошо продуманных системных шагов. Вот такими шагами и могут служить летние школы. И чем больше к нам будет приезжать иностранных студентов, тем лучше. Пока же, к сожалению, о нас знают мало. Взять тех же польских магистрантов, приехавших к нам в этот раз. Вначале они были очень насторожены и, прямо скажем, настроены скептически по отношению к нашему образованию, городу и университету. А уезжали совершенно другими людьми с

совершенно противоположным мнением. И были всем очень довольны.

Конечно, для успеха школы очень важно, какие для неё выбираются темы. На мой взгляд, очень перспективна тема, которая сегодня начинает развиваться на кафедре технологии строительного производства и строительных материалов. Она связана с разработкой магистерской программы по использованию 3D-принтеров в строительстве.

Изначально эта тема возникла, когда стала обсуждаться возможность строительства баз на других небесных телах. Это была просто фантастическая идея. Однако китайские коллеги у себя уже несколько домов построили с применением 3D-принтера. А голландцы с его помощью построили мост. О других отраслях, например о машиностроении, и не говорю — там чего только не печатают.

Так что и нам всё это надо развивать. Понятно, что эта тема обязательно привлечёт иностранных студентов-магистров. Да и коллег для обучения студентов тоже привлечёт. Наши коллеги из Иркутского технического университета и Оренбургского университета с восторгом приняли наше предложение поучаствовать в такой межуниверситетской программе. А значит, и для летних школ эту тему надо отрабатывать.

И конечно, интересно всё, что связано с экологически чистыми строительными материалами. В первую очередь с использованием древесины. Кстати, у нас в институте эта тема развивается очень хорошо. И она тоже привлекает внимание. Я полагаю, в будущем году в летней школе примут участие как минимум шесть стран и количество участников почти удвоится.

Конечно, сейчас перед нами стоит задача привлечения средств, без решения которой провести школу невозможно. В нынешнем году удалось заинтересовать китайский университет. Кто выступит в качестве спонсора в следующем году, мы пока не знаем. Но уверены, что он найдётся. Ведь надо помнить, что летняя школа — это не только знания. Это ещё и общение, полезное для студентов познавательное времяпрепровождение. В этот раз культурная программа школы была достаточно интересной, но традиционной — Столбы, Бобровый лог. В следующий раз мы планируем её расширить посещением других интересных объектов. Например, людям, связанным с архитектурой и строительством, будет интересно посмотреть Енисейск, увидеть Барабановскую церковь. Очень интересны и памятники древности, например наскальная графика Шалаболинской писаницы.

На самом деле всё это очень важно. Скажем прямо, молодые люди в основном приезжают к нам с разного рода предубеждениями и опасениями. Да и коллеги-профессора тоже. И всех их изумляет, что в Сибири есть такие большие города с такими прекрасными университетами и кампусами. Отмечают удивительную доброжелательность, которую они совсем не надеялись встретить. Так что их отношение к университету, к городу, к Сибири и России в целом совершенно меняется после проведённого у нас времени. И это, несомненно, очень важно.

Галина ДМИТРИЕВА

НА ФОТО:

- >> круглый стол;
- >> знакомство с университетом;
- >> выезд на строительство развязки Четвёртого моста;
- >> экскурсия в Овсянку

Культура на двух ногах:

Три дня лета я провела на международном фестивале этнической музыки и ремёсел «МИР Сибири» в качестве ведущего «Беседки» — новый для фестиваля жанр и новая площадка, на которой я рассказывала о русском языке, а коллега-преподаватель из Юридического института СФУ, бард Григорий ЕМЦОВ — об эниостиле. «Беседка» пользовалась популярностью, и это утвердило в мысли, что слушать летом преподавателя вуза люди могут и даже любят. Но главным моим впечатлением стала не моя работа, а фестиваль, так как мало что сравнится с таким грандиозным явлением нашей культурной жизни.

Фестиваль не любят. Фестиваль обожают. Им восхищаются. Его критикуют. Он вызывает бурю эмоций и привлекает огромное количество людей — его посещают тысячи, а прямую трансляцию смотрят из разных уголков мира.

Почему столь разные оценки, вплоть до противоположных? Думаю, потому, что трёхдневный фестиваль вмещает столько, нет, лучше так — СТОЛЬКО разных событий, включает СТОЛЬКО разных программ, что поклонники одного действия порой не принимают или напротив отвергают что-то другое, одни не понимают увлечённости других. Всё как у спортивных болельщиков — ревность, соперничество, непонимание друг друга. Но в отличие от спортивных баталий — мирное сосуществование на единой площадке Шушенского.

Зачем я еду на фестиваль? За прекрасным. И это прекрасное воплощено для меня в традиционной культуре, которой и посвящён сначала конкурсный отбор (а это 22 потрясающих выступления ансамблей и исполнителей), а затем гала-концерт. Я приезжаю на фестиваль, чтобы убедиться, что народная культура не просто жива-здоровая, но и прекрасно себя чувствует, пусть и в фестивальных масштабах. Это много или мало? Судите сами: заявки на участие подали 225 коллективов из разных районов нашей страны. Но ведь это только те, кто захотел приехать в Шушенское. А сколько ещё прекрасных исполнителей осталось дома! Так что за народную традицию я спокойна, она существует, скорее всего, даже массово, только встречи с ней происходят нечасто, по специально организованным случаям, одним из которых является «МИР Сибири». В 2015 году фестиваль стал обладателем премии в области событийного туризма Russian Event Awards-2015, на которую претендовали 104 проекта из 36 регионов России. «МИР Сибири» занял I место в номинации «Лучший проект в области популяризации народных традиций и промыслов» — самой многочисленной и сильной номинации. По итогам зрительского онлайн-голосования «МИР Сибири» вошёл в топ 5.

Ещё одно событие, ради которого я еду на фестиваль, — встреча с одним из самых значимых знатоков и популяризаторов русской народной культуры, с фольклорным по-

движником Сергеем Николаевичем СТАРОСТИНЫМ, который является бессменным председателем жюри конкурсной части фестиваля. О Сергее Николаевиче можно говорить очень много и всё в превосходной степени, но гораздо интереснее слушать его, когда он поёт и говорит. Наша беседа была непродолжительной, потому что насыщенная программа не оставляла времени на длительное интервью. Так что пришлось говорить только о самом важном.

О фестивале

— Сергей Николаевич, вы довольны фестивалем?

— Я скажу основное — я доволен тем, что этот фестиваль есть. Не так много в России фестивалей, где традиционная культура хоть каким-то образом присутствует. Я бы сказал — их очень мало. Этот фестиваль по масштабам, по мощи, по раскрученности — один из первых. У фестиваля есть сильные стороны и как у любого явления большого порядка есть слабые стороны и недочёты, которые мы не можем пока избыть и не можем найти способ избавления от них. С самого начала я был в некоторой оппозиции к конкурсной программе, мне не нравится идея соревнования, потому что не суди да не судим будешь...

Мастер-класс Сергея Старостина

— Будь ваша воля, вы бы убрали конкурсность?

— Не убрал бы, но сделал её условной. Весьма условной. Можно сохранить соревновательный дух и всех наградить отдельными призами. Не хочется делить людей по категориям: ты вот первый, ты второй, ты третий. Хочется каждый коллектив, который отобран нашей комиссией на фестиваль из двух сотен, наградить каким-то отдельным подарком, отдельным призом, имя которому мы могли бы придумать.

Второй неудобный момент фестиваля: конкурсная программа концептуально сильно отличается от хедлайнерских выступлений (*хедлайнер — неологизм, специальный термин, называющий почётного гостя, наиболее привлекающего внимание публики, участника представления, концерта, фестиваля, имя которого стоит в заголовке афиши, выступающего, как правило, в конце). Выступления хедлайнеров направлены совсем на другое. В этой связи появляется дезориентация: мы отбираем коллективы, которые исполняют тради-

ционную музыкальную и песенную культуру, чья подача соответствует понятию традиционности, и вся конкурсная программа — это то, что нам, членам жюри, и хотелось бы видеть в этническом фестивале. А хедлайнерская программа по сути своей не отвечает той идее, которая заявлена в конкурсной программе.

Я понимаю, что нам не набрать на вечерний концерт столько коллективов, которые бы нас устраивали. На хедлайнерскую программу собираются, чтобы послушать готовый концертный продукт. А таких исполнителей, которые исполняли бы качественную традиционную народную музыку на основе русского материала и привлекали бы к себе внимание массовой публики, недостаточно. Вот горловое пение (коллективы Алтая, Хакасии, Тувы) и привлекательно, и качественно по исполнению, и групп таких, соединяющих два этих компонента, достаточно много.

— А вообще возможно зрелищное и массовое исполнение русского фольклора?

— Конечно. Концертная форма — ведь это только форма, и она может быть различной. Обильное использование электроники и современных средств, если оно не уводит от основных смыслов и характера материала, может быть приближено к эффекту соответствия аутентичной атмосфере.

ной, плоской. Слушатель привыкает к этой банальности и большего не ждёт от народной песни.

Но вода камень точит. И если будут появляться достойные акустические проекты (а благодаря фестивалю это возможно), которые не снижают уровень понимания традиции, а пытаются его хотя бы поддержать на должном уровне художественного и смыслового содержания, то в перспективе нас ждут очень интересные времена. Вкус надо воспитывать, шаг за шагом, по чуть-чуть, понемногу доносить до зрителя, что традиционная музыка, традиционная русская песня всегда были самодостаточны. Она всё за себя говорит! При условии, что человек, который её исполняет, понимает, о чём он поёт и что он играет!

О русской традиционной культуре

— Что для вас, Сергей Николаевич, русская культура? Какие ключевые идеи для себя вы в ней выделяете?

— Поле русской культуры существует уже несколько веков. Русская культура для меня — это прежде всего та национальная идея, о которой так печётся наша власть, не понимая, что за этим стоит. Мне кажется, что без всяких тезисов и громких слов о патриотизме традиционная культура цементирует человека, то есть придаёт ему устойчивость, уверенность в завтрашнем дне и уважение к минувшему. Человек автоматически становится патриотом. Проявляется это в отношениях человека с окружающим миром — природой, социумом. Культура даёт опыт отношений с миром, опыт существования в определённых условиях определённого этноса, связанного общими составляющими жизни: языком, мелосом, философией, медициной, воспитанием детей, верой и т.д. И это всё не уходит, это остаётся как часть жизни людей — язык, музыка, предания, народная мудрость как таковая, которой мы пользуемся в быту.

По сути, сейчас каждый современный человек, который не совсем заражён урбанизмом, в своей жизни через это проходил — через общение со своими предками. Часть традиционной культуры, конечно, избыта, но часть, несомненно, осталась: *Не мытьём, так катаньем... Не лезь на рожон... Анчутка тебя заведи*, как говорила моя бабушка. Осталась масса вещей и выражений, которые отражают народную культуру. Я со своими детьми допускаю какие-то такие вещи, они меня начинают пытаться: «А что это такое? Мы не знаем такого слова». Я им объясняю. И если такое поведение, эти отсылки хотя бы на уровне семьи существуют, то есть шанс преемственности.

Проблема в том, что даже бабушки, с которыми мне давным-давно приходилось общаться в условиях экспедиции, задавали мне вопрос: «Зачем вам это нужно?». Я им говорю: «Нам это интересно. Мы хотим, чтобы традиция продолжалась. Мы хотим, чтобы всё то лучшее, что было в нашей культурной русской жизни, вернулось». И некоторые из бабушек, наиболее продвинутые, говорили нам: «Ничего вы не вернёте». То есть они как бы на своём поколении поставили точку преемственности традиционного знания. Они не верят в наследование своего опыта, к сожалению.

— А без хедлайнеров фестиваль провалится?

— Зрительски да. Ко всему надо приучать. Хедлайнерские программы привлекают зрителей. Моя позиция такова: на фоне такого внимания людей надо приучать к традиционной музыкальной культуре. Существует осторожная позиция, что зритель у нас не готов. Я с долей сомнения отношусь к такой позиции, к тезису, что у нас зритель не готов воспринимать то или иное. На самом деле наш российский зритель достаточно тонко воспринимает русский народный материал, зритель готов его слушать и понимать. И поэтому заведомо упрощать, примитивизировать исходное содержание песни, либо обряда, либо наигрыша, которые лучше было бы оставить в их первозданности, нельзя. Потому что упрощение приводит к воспитанию упрощённого, нетребовательного вкуса. Этим сейчас часто пользуются многие группы: взяли песню, подложили под неё что-нибудь простенькое — умца-умца-умца, ввели песню в поле современной поп-музыки и сделали песню баналь-

летние впечатления в осенних тонах

О жизни и бессмертии традиции

— Возродить традиционную культуру ведь невозможно?

— Возврат возможен. В 70-80-е годы у молодёжи возник интерес к песенному фольклору, появилась заинтересованность. Причём она росла из года в год в геометрической прогрессии. Это было очень отраднo наблюдать. Народная песня, конечно, была вырвана из контекста, потому что она в деревне существует к месту, ко времени, к ситуации, там исполнение обрядовых, календарных или лирических песен связано с жизнью. А их стали исполнять вне контекста. Но потом появилось второе поколение — у этих фольклорных исполнителей стали появляться семьи, дети, которые стали пропускать эти песни через определённые фильтры. Одно дело, когда я из-за своей заинтересованности воспользовался этими песнями, присвоил их и стал петь, и другое — когда у меня появляются дети, и я им должен объяснить ситуацию, показать, что эти песни существуют не просто так, а в каком-то контексте, они с чем-то связаны. И дети гораздо быстрее вошли в этот контекст. Дети водят хороводы, играют в игры, но что важно — они в правильное время водят хороводы, в правильное время разыгрывают свадьбы. Так что контекст народной культуры для них ближе. И вот это я называю возрождением.

Обычаи и традиции всё равно остались. Например, свадьба сейчас — определённый бизнес, которым занимаются аниматоры, специальные люди, и если вы хотите такую анимационную свадьбу, то вам её предложат. Но если разобраться, откуда ноги растут у всех современных сценариев ведения свадьбы, то выяснится, что те люди, которые пишут сценарии и придумывают развлечения, они хотя бы каким-то боком, но с традицией знакомы, потому что элементы традиции в сценарий включены. У них, у свадебников, существуют варианты сценариев: поселковые, сельские, деревенские. Они не будут городской вариант свадьбы тащить, скажем, в Подмоскoвье.

Или ещё пример. Я знаю, что в Подмоскoвье давно, наверное, лет 20 (а это уже традиция) зимой строится Зимний городок, и его берут с боем. Водятся хороводы, поются масленичные песни, устраиваются кулочки и звучит гармошка. Масленица становится совершенно традиционным праздником, весьма-весьма симпатичным. Только важно не профанировать ситуацию и проводить праздники, связанные с календарём, в нужное время.

— Если бы от вас зависела российская культура, если бы у вас появились неограниченные возможности, с чего бы вы начали?

— Я бы поставил культуру на две ноги, чтобы она не была в современном обществе одноножкой или многоножкой. Поставил бы культуру на две ноги: классическое образование (классическая музыка, классическая наука, то есть то, что нам наследовано классиками) и традиционная культура, школа традиционного наследия. У нас есть много примеров и наработок того, каким образом это может существовать.

Потом я бы дал больше пространства для реализации традиции. Открыл бы традиционные центры во всех областях России и даже в каж-

Преподаватель СФУ Алевтина Сперанская рассказывает о русском языке

дом посёлке. Через них можно было бы вернуть желающим возможность жить традиционным способом на селе, то есть традиционным укладом — именно таково содержание традиционной культуры. Колоссальный пример существует в Вологодской области, где огромное количество центров традиционной культуры. Они возвращают формы и содержание традиционных праздников в современный поселковый быт. По сути они занимаются реконструкцией традиционного уклада. Сельский приходской праздник там и празднуется со всеми атрибутами сельского приходского праздника: на площади устраиваются в зависимости от времени года качели, хороводы, ярмарки. То же касается и будней.

Но там, в Вологодской области, в этом отдельном регионе, традиционная русская культура находится под охраной — это волеизъявление губернатора. Этот пример очень показате-

лен тем, что по Вологодской области детская и подростковая преступность за годы существования этих центров фольклора сошла практически на нет. Вот вам и ответ. И больше не надо никаких аргументов и размахиваний руками — зачем, дескать, нужна традиционная культура.

О традиции в нашей жизни

— Может, традиционную культуру сейчас не воспринимают, потому что не считают, что старики, наши дедушки и бабушки, могут нас чему-то научить? Современное взрослое и молодое поколение очень мало знает о традиционном укладе жизни, потому что изустно им никто про это не рассказывал, а существовала только официальная версия жизни народа.

— Частью моей миссионерской деятельности является то, что я доно-

шу до людей содержание культуры, то есть о чём там шла речь, о чём там говорилось, в какой степени говорилось и чем это было полезно. И в качестве примера привожу потешку про козу, которую мне пела бабушка в детстве. Это первая лакмусовая бумажка, на чём я проверяю слушателя и зрителя. Казалось бы, сам жанр потешки, то есть потешать, ничего серьёзного:

*Пошёл козёл за лыкам,
а коза пошла за орехом.
Козёл пришёл с лыками,
а козы нету с орехом,
она сидит за верхом...*

И дальше расписывается целая история:

*Погоди ты, коза,
я найшу на тебя волков.
Волки не идут козу резать.
Козы нету с орехом,
она сидит за верхом.
Погодите вы, волки,
я найшу на вас людей.
Люди не идут волков бить,
а волки не идут козу резать...*

А потом:

*Смерть не идёт людей косить...
Огонь не идёт смерть жечь...
Вода не идёт огонь лить...
Быки не идут воду пить...
Дубьё не идёт быков бить...
Топор не идёт дубьё рубить...
Гора не идёт топор тупить...
Черви не идут гору точить...*

А потом гуси пошли червей клевать, и эта история стала раскручиваться в обратную сторону...

Я пою эту потешку, и для слушателей сначала всё это абстрактно: какая-то забавная история, смешная, в ней всё накапливается, увеличивается количество звеньев цепи. Они вообще не понимают, а при чём тут смерть, при чём тут вода и так далее.

Потом я останавливаюсь и начинаю им на блюдечке с золотой каёмочкой подавать и разжёвывать. Давайте, говорю, считать плюсы этой потешки. И на поверку оказывается, что она развивает память, логику, артикуляцию, дыхание, интонационное и ладовое слышание; она даёт представление о мироздании и о проявлениях этого мироздания: верхний мир и нижний мир; мир живой и не живой; смерть как антипод жизни... и так далее. И всё это находится во взаимосвязи! Разве это не чудо, наследованное нам нашими предками?!

Алевтина СПЕРАНСКАЯ

Три вопроса менеджеру «МИР Сибири»

Другой мой собеседник — координатор конкурса на присуждение этномузыкальной премии «МИРА» Татьяна Ивановна ПИРОГОВА.

— Татьяна, кто организатор «МИРА Сибири» и какова цель фестиваля?

— Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центр народного творчества Красноярского края» (ГЦНТ) и отдел культуры, молодёжной политики, физкультуры и спорта администрации Шушенского района. Основная работа выполняется ГЦНТ. Цель фестиваля — сохранение нематериального культурного наследия России; пропаганда и развитие этнических культур Сибири; развитие событийного туризма; популяризация народной культуры во всём её многообразии.

— В чём прелесть и ценность фестиваля для вас?

— Для меня фестиваль — это так называемая точка роста: каждый год я знакомлюсь и встречаюсь с новыми людьми, их музыкой, узнаю новое о традициях и культуре своего народа, заряжаюсь энергией и несу этот свет в себе. В обычном мире так много копий, реплик, мы привыкли к стократному повторению, воспроизведению одного и того же — так мы смотрим в записи любимые фильмы и слушаем музыку, с точностью до секунды зная все фразы и интонации. Фестиваль всегда оригинал, подлинник, он существует только здесь и сейчас и не повторяется. Прикосновение к живому, настоящему и правдивому искусству меня всегда впечатляет.

А ещё меня вдохновляют люди — их красивые голоса, живые эмоции, искренний интерес, потрясающее упорство в изучении, понимании и принятии своих культурных корней. Я на фестивале отдыхаю, несмотря на свой почти круглосуточный график организатора.

— Каким видите идеальное проведение «МИРА Сибири»?

— Сложный вопрос. В идеале всегда есть субъективный момент. Фестиваль — это очень масштабное, мультижанровое культурное событие, объединяющее самые разные виды социокультурной деятельности. Ежегодно его посещают более 30 000 зрителей — людей со своим представлением об идеале и с разной степенью погружения в музыкальную русскую культуру, культуру народов Сибири, других регионов и стран. Фестиваль постоянно стремится к тому, чтобы зритель становился участником, был в центре событий, а не сторонним наблюдателем. Главное — быть интересным, разным, насыщенным для своих постоянных зрителей и участников и для тех, кто открыл для себя «МИР Сибири» впервые!

Анастасия МАЛЕВАНОВА: раз, два, хочу тут работать!

Актриса Анастасия Малеванова пришла в труппу Красноярского драматического театра им. А.С. Пушкина в 2013 году, но на её счету уже главные роли в «XII ночь, или Как вам будет угодно», «Пастух и пастушка». Сейчас актриса работает над ролью Сони Мармеладовой в первой осенней премьере драмтеатра — «Преступление и наказание».

— Ася, каким было твоё лето?

— Насыщенным. Топ событий возглавляет поездка на Южное побережье Крыма, в Мисхор. Впервые побывала на тёплом море! До этого ездила к родственникам в Эстонию, на суровую Балтику. А хотелось туда, где тепло и можно в удовольствие плавать. Поэтому копилки, откладывали целый год, чтобы выбраться всей семьёй. Когда узнали, что можно получить путёвку от Союза театральных деятелей в дом творчества «Актёр», с радостью ухватились за эту возможность.

— «Дом творчества» — это ещё из советских времён, наверное?

— Да, всё слегка ветхое, ветераны степенно прогуливаются по дорожкам, семейная атмосфера. Мужу не доставало супертусовок ночных, а мне очень понравилось: тихо, спокойно, можно бесконечно загорать на пляже или плавать — мечта. Показатель отличного отдыха: в последние дни, разгадывая сканворд, не смогла вспомнить, как называется ткань убранства сцены. Кулисы! Родные кулисы забыла!

— То есть тебе, чтобы хорошо отдохнуть, нужно море?

— Скорее, смена обстановки. Я отдыхаю и в деревне у бабушки, и у папы в Иркутске. Но двух недель для Крыма мало. Только спустя дней восемь я начала понимать: ага, вот это — настоящее море, я в отпуске и можно никуда не бежать, ни о чём не думать. И я просто кожей, каждой порой ощущала, какой там упоительный воздух. Настолько сладкий, настолько насыщенный разными ароматами — моря, магнолий, сосен, — что каждое утро все две недели, открыв глаза, я первым делом вздохнула и попыталась надыхаться им. Конечно, туда нужно ехать хотя бы на месяц, чтобы восстановиться.

— А может, совсем переехать?

— Если только на пенсии. Мне сложно всерьёз представить, что я работаю в каком-то курортном городе. Мы ездили на экскурсию в Севастополь, зашли в театр. Смотрю: афиши, репертуар, напротив каждого названия пометка — комедия. С коммерческой точки зрения это оправдано: люди приехали отдохнуть, развлечься, зачем им драмы. Но как профессионально расти, играя только в комедиях? Для меня это невозможно. Спрашиваю: когда у ваших артистов отпуск? — В октябре. Как же можно летом работать! И даже то, что выходишь из театра — и вот оно, море! — не перевешивает в пользу курортного города. Честно говоря, я всегда выбираю не город, а театр. Я привязана к своей профессии и не хочу её менять и изменять ей.

— И в жизни на первом месте — профессия?

— Да, ещё со времён академии. Мой художественный руководитель Валерий Аркадьевич ДЬЯКОНОВ настолько привил любовь к профессии, что у меня появилась постоянная и острая жизненная необходимость в ней. Он всех нас заразил вирусом театра.

— Разве поступающие уже не болыны этим вирусом с детства?

— Тут странная история... Я не мечтала стать артисткой. Конечно, пела песни Пугачёвой на бабушкиной кровати, но возгласы родственников «Ох, артистка!» не поселяли какого-то зерна. В моей семье артисты — это какие-то другие люди, незнакомые, далёкие, из телевизора. А мы все — обыкновенные, с обыкновенными рабочими профессиями. Мама большую часть жизни работала продавцом, сейчас подрабатывает — моет полы. Папа — экономист, занимается цифирками, я даже не знаю, как верно называется его работа. Нет, оба они в душе всегда были творческими людьми, только не осознавали этого, что ли... Мама когда-то писала стихи, папа всю жизнь пишет песни, недавно записал студийный диск. Родители развелись, когда я была совсем маленькой, и мама со мной уехала из Красноярска в Сосновоборск, а папа в Иркутск.

Я росла дико застенчивой, не могла купить хлеб в магазине, потому что свободной выкладки, как в сегодняшних супермаркетах, тогда не было, а попросить у продавца подать буханку хлеба я стеснялась.

Спросить у прохожего, который час — смерти было подобно. Каждый раз подбывала на это кого-то из знакомых...

Дома стояла на ушах, как все дети, но только появлялся кто-то незнакомый — зажим. Всё, что не связано с публичностью, делала с удовольствием: сочиняла и рисовала стенгазеты, писала стишки. Папа со мной с самого раннего детства играл в рифму: он говорил слово и нужно было ответить рифмованно, сначала совсем простое, мама — рама, потом сложнее. Благодаря этому лет с пяти я уже какие-то рифмованные строчки сочиняла, стишки сначала совсем детские и смешные, потом они повзрослели вместе со мной. Мне кажется, каждый человек должен писать. Хотя бы попробовать. Выплеск эмоций или настроения на бумагу — это такая творческая сублимация и терапия одновременно.

— Несмотря на развод родителей, вы с папой общались?

— Конечно. Я не знаю людей, которые бы так любили детей, как мой папа меня. Он очень по мне скучал и на лето всегда забирал к себе. И мне с ним всегда было невероятно интересно. Ещё папа играл со мной в игру «А скажи мне, девочка...». Начинать он всегда с этой фразы, а завершение могло быть самым неожиданным. Например «...какое самое большое млекопитающее на Земле?». И я думала-гадала, какие-то версии выдвигала, а потом папа давал верный ответ. Это

расширяло кругозор и невероятно объединяло — у нас была своя игра, своя тайна.

Сейчас, будучи матерью, я пытаюсь продолжить традицию этих игр. Но чтобы придумать вторую часть к «А скажи мне, Лёвушка...», мне нужно сначала загуглить, хотя вроде и неглупая. Говорю сейчас папе: Интернета тогда не было, откуда ты знал ответы? Смеётся: из книг. А я, только придумывая вопросы для сына, узнала, что колибри — самая маленькая птичка.

— А когда в твоей жизни появился театр?

— Мой первый зрительский театральный опыт был в первом классе, и не сказать, что удачный. С бабушкой мы пошли в Красноярский драматический театр им. А.С. Пушкина на «Макбет» по ШЕКСПИРУ. Мне было ужасно скучно: много крови, непонятно, что там происходит, и мы ушли после первого акта. Почему мы решили посмотреть именно этот спектакль? До сих пор не понимаю.

Но был и другой театр: в гимназии я видела, что есть какая-то таинственная тёмная комната, открывают люди дверь туда и пропадают в темноте, только смех слышен. Оказалось, это театральная студия «Версия», и там создаются настоящие спектакли, которые собирают залы. Мне стало интересно. В театральную студию можно было поступить только с 12 лет. Поэтому какое-то время интерес мой был пассивным, да и некогда было, всё свободное время занимала музыкалка. Из-за длинных пальцев и феноменальной музыкальной памяти мне пророчили карьеру великой пианистки. Я с лёгкостью играла то, что впервые увидела на занятии два дня назад. Но, наверное, то, что легко даётся, не ценишь. Я пропускала занятия, сбегая на шейпинг, где было гораздо веселее. Не сложились у меня любовь к фортепиано. Кое-как окончила пять классов, получила «корочки» и забыла. Правда, в прошлом году вдруг захотелось иметь дома пианино, играть. Привезли огромное, чёрное, старое, «Заря».

— Что первым вспомнила и сыграла?

— Ничего не вспомнила. Нашла ноты в Интернете и сыграла сначала музыку из «Амели», потом «Боксёрский вальс» ЛАГУТЕНКО. Поиграла, поняла, что помню ноты, и снова остыла. На пианино теперь цветы стоят.

— Но в театральную студию ты всё-таки попала?

— Да, сразу после окончания музыкальной школы я отправилась в эту таинственную комнату. Не столько становиться артисткой, сколько стать, наконец, причастной к этому вечному смеху из темноты, к сочинению весёлых сценок из школьной жизни... В общем, я чувствовала, что там кипит какая-то интересная жизнь, и мне туда надо. Решилась. Переступила порог, и оказалось, что и за дверью горит только пара фонариков. И сидит руководитель студии Виталий Викторович ДЕЙХИН. Вот, говорю, хочу к вам,

— Как же застенчивый ребёнок себя преодолел и пришёл к незнакомому человеку?

— Я с мамой пришла. Но и с ней было страшно. Мне до сих пор не нравится впервые приходить в какие-то новые места, к новым людям. В следующий раз, чтобы было не так страшно, я позвала с собой подружку Виталий Викторович сначала давал

нам актёрскую базу: этюды, какую-то теорию. А главное — показывал фильмы, которые считал стоящими. Там я впервые посмотрела «Танцующую в темноте» ТРИЕРА, и нас всех разорвало просто от того, что бывает такая несправедливость и жестокость. После фильма все какое-то время сидели притихшие, с красными и распухшими от слёз лицами. А потом обсуждали. И это было классно: обсуждать и с точки зрения актёрской, и режиссуры, и человеческих отношений. Это всё было настолько интересно, что «Версия» меня съела: мне уже ничего не надо было, кроме этой студии, я там просто жила.

Однажды Виталий Викторович решил восстановить спектакль по пьесе Елены ИСАЕВОЙ «Про меня и мою маму». И предложил мне сыграть главную роль — девочки, от имени которой идёт повествование. Так получилось, что первая же моя роль оказалась главной. Зрители меня хвалили, и первый успех подстегнул — надо продолжать! В девятом классе мы затеяли «Чайку», в которой я сыграла Нину Заречную. Спектакль выстрелил, зрители рыдали, даже ребята за кулисами плакали, когда я читала последний монолог. Потом мы всей студией съездили в драмтеатр им. А.С. Пушкина посмотреть на «Чайку» в постановке Олега Алексеевича РЫБКИНА. И были в шоке: что это вообще? Почему Маша такая?! Откуда там плейбойчики? Почему это комедия?! Это — Чехов?! У нас-то была классическая версия, и другой мы не признавали. Мы были такими глупыми, нужно было повзрослеть, чтобы влюбиться в этот спектакль Рыбкина так, как я люблю его сейчас.

Уже позже, в институте, Лариса Николаевна ЛЕЙЧЕНКО, завлит драмтеатра, которая читала нам «Историю театра» (и делала это настолько увлекательно и профессионально, что мне до сих пор кажется, нет на свете педагога лучше нее!), рассказала о постановках театра им. А.С. Пушкина. Это было важно: разбирать, анализировать, она помогала нам понимать, что хорошо, а что плохо. И она рассказала нам про «Чайку». Мне стало так неловко: я просто не понимала этого спектакля. С другой стороны, есть произведения, которые для школьников бессмысленны, они их просто не поймут, пока у них нет опыта жизненного, эмоционального.

Потом мы сыграли ещё два спектакля, один из них — «Гололёд» — сочинили сами под руководством Виталия Викторовича. И поехали с ним на фестиваль любительских театров «Зеркало», который придумали и создали директор одноимённого молодёжного центра Роман ЭНГЕЛЬГАРДТ и Света МЕДВЕДЕВА. Мы попали в шорт-лист фестиваля, и нас, школьников, пригласили выступить в Доме актёра! У меня был монолог на 13 минут. Это очень много. Я выходила такой смешной чумной девочкой, а потом говорила залу серьёзные взрослые вещи: «Страшно наблюдать, когда большой и яркий человек всю свою громкость тратит на то, чтобы стать маленьким и незаметным». Обращаясь к каждому зрителю, бросала «Ты — дура, ты всю свою жизнь положила на то, чтобы стать маленькой и незаметной, посвятила себя человеку, который тебя бросил» и т.д. Юный кудрявый актёр Серёжа ДАНИЛЕНКО сидел тогда в зале, мы познакомились гораздо позже, а Людмила Борисовна МИХНЕНКОВА была в жюри.

Вот я говорю этот монолог, тишина звенящая, мне страшновато, ловлю жадные взгляды публики, понимаю, что они внимают каждому моему слову. И вдруг споткнулась о взгляд Серёжи и... забыла текст. То, что у артистов называется «белый лист»: когда в голове вместо роли степь, ветер и перекаги-поле гуляет. Молчу. Отматываю мысленно назад всё, что говорила, вспоминаю последнюю фразу и продолжаю монолог. Для зрителей это была небольшая заминка. Мне казалось, что прошли мучительные часы.

Потом нас очень хвалили. Обо мне говорили: как же эта маленькая девочка смогла настолько осмысленно подать взрослый текст. Мы победили на фестивале и с отрывком из этого спектакля приняли участие в гала-концерте уже на сцене Красноярского драматического театра им. А.С. Пушкина.

Это было что-то сумасшедшее: мы гуляем по театру, а вокруг — настоящие артисты из труппы этого театра. В галерее артистов в фойе не доставало двух фотографий, и мы с подружкой сфотографировались так, будто на этих портретах — мы. Понимаешь, я себя к этой стене припечатала уже тогда! И хотя стать артисткой для меня по-прежнему было чем-то фантастическим, я загадала желание. Как девочка в исполнении Марии Шалаевой в фильме «Русалка». У неё был своеобразный ритуал: загадывала желание и говорила «раз, два, хочу уехать, три, четыре, хочу уехать, пять, шесть...» и так далее. И желание сбывалось. И я ходила по старой деревянной сцене драмтеатра и говорила: «Раз, два, хочу тут работать». Оказалось, это действенный способ.

Ближе к окончанию школы всё же решила поступать в Академию музыки и искусства. Виталий Викторovich готовил со мной рассказ КУПРИНА «Allez!». А перед поступлением бывшая ученица Дейкина, которая училась у Дьяконова, позвонила ему и попросила посмотреть меня — может, всё зря, не стоит? Валерий Аркадьевич даже немного со мной поработал, ничего не обещал, но сказал: «Давай, попробуй поступить».

— А для тебя тогда это уже было жизненно важно — стать артисткой?

— Нет, я планировала, если не поступлю, пойти на журфак учиться. Я же школу с серебряной медалью окончила, и меня интересовало всё, что связано с коммуникацией.

Подать документы мы поехали с мамой и её другом. И недалеко от Академии на пешеходном переходе мы сбили юношу. Не насмерть, так, легонько задела, не заметили, как он выскочил из-за автобуса. Он тут же дальше побежал. Но мы так испугались, что остановились на обочине. А я очень восприимчива к знакам судьбы. Говорю: может, не надо мне поступать, не к добру это? В итоге поступила легко, без протекции.

И на втором курсе я поняла, что действительно хочу быть артисткой, а на третьем — что не смогу уже заниматься ничем, кроме этой профессии. Хотя одноклассники относились так: что у вас там за уроки? Что вы там — танцуете-поёте? Это что — институт, серьёзно? Обижало. Валерий Аркадьевич сразу нам сказал, что такие насмешки — это самое лёгкое, что будет с нами.

Работа артиста — каторжный, адов труд. Вы должны полностью принадлежать профессии и делать выбор в её пользу, отодвигая на второй план семью, родственников, любовь. А на работу в театр можно не прийти, только если ты умер, и у тебя есть об этом справка.

На первом же собрании он нам сказал: вы ещё пожалеете, что сюда попали, со мной шутки плохи. Большой и грозный Валерий Аркадьевич, мы его обожали.

Мне всю жизнь встречались люди, которые вели за руку в эту профессию. И привели.

— В институте у тебя появилась семья...

— Да, на третьем курсе я влюбилась в одноклассника, забеременела и поняла: всё, детство кончилось, нужно выбирать, мать я или актриса. Мы оба студенты, не работаем, впереди финишная прямая госэкзаменов, дипломных спектаклей, и если сойти с неё сейчас, я уже не вернусь в институт.

Моя мама сказала: даже не смей раздумывать, ребёнок — это подарок судьбы. И убедила. Я ей очень благодарна, сейчас понимаю, какой дурой была, допустив даже тень сомнений по поводу ребёнка. Тогда же с дрожью в коленях пошла сдаваться к Валерию Аркадьевичу. И он позволил мне не брать академический отпуск, учиться до последнего. Благодаря его огромной человечности и лояльности окончила институт со своим курсом, пропустив всего месяц. Конечно, мама очень помогала. В появлении ребёнка был и ещё один неожиданный плюс: после родов я стала более женственной, чего раньше не хватало.

— А свадьба?..

— Свадьба у нас была самая эгоистичная в мире: регистратор приехала в институт, и наш брак зарегистрировали на сцене, в зале сидели одноклассники, мама приготовила какие-то лёгкие закуски. Регистраторша так сильно волновалась, что дважды назвала меня Малевановой. Все рыдали: я была смешная и трогательная на последнем месяце беременности...

Свадьба была театральной, и брак оказался таким же. Понадобилось четыре года, чтобы понять, что мы разные. И чтобы согласиться с родителями в том, что два артиста в одной семье — перебор. Хотя сначала мне казалось, что муж-артист — идеально. Кто ещё поймёт, когда на сцене ты целуешься с другими, кто поверит, что возвращение заполночь домой — действительно после репетиции.

— А минусы жизни с артистом в чём?

— Главный — нищета. Вы оба зарабатываете потом и кровью, но это нельзя назвать солидным доходом. Это не «мой мужчина меня обеспечивает». Сначала мне это и не нужно было, я настраивалась профессионально расти и зарабатывать вместе. Но с течением времени и рождением ребёнка ориентиры изменились, понимаю, что мужа нужно выбирать не только сердцем, но и головой.

Решение о разводе было очень тяжёлым. Помню, как разводились мои родители, как меня спрашивали: с кем ты хочешь быть, с мамой или папой? Как этот вопрос физически разрывал сердце... Самое тяжёлое сейчас — работать вместе, особенно в таком сложном спектакле, как «Преступление и наказание», где мы играем главные роли. Для меня эта работа очень важна.

— Чем именно?

— Во-первых, это мировая классика, а для любой актрисы сыграть что-то из мирового репертуара очень важно, да и работодатель, увидев в списке прочих ролей строчку Соня Мармеладова, сделает для себя какие-то выводы. Но для меня удивительно даже не столько роль, сколько работа над ней.

Признаюсь, в Александра Анатольевича ОГАРЁВА как в режиссёра я просто влюбилась. Он покорила меня своей работой с артистами. Роль он видит нестандартно и умеет читать между строк. С первых минут общения стало ясно, что артист для него — личность, он его уважает и считается с его мнением.

Есть режиссёры, которые пускают тебя в свободное плавание, и ты там барахтаешься как можешь. Либо наоборот — не дают ни шага в сторону сделать, и здесь сложнее сделать роль органичной. С Огарёвым же работа над ролью — это взаимный процесс, сотворчество. Вот я как-то представляю Соню и рисую её, исходя из этих представлений. Есть же какие-то стандартные вещи: она проститутка, она несчастная, худая, осунувшаяся, с потухшим взглядом. А он говорит: ты переполнена светом и надеждой, у тебя столько веры в Бога, что Он ведёт тебя за руку, а значит, ты не можешь быть потухшей. Да, она знает, что она грязная и на самом дне, но при этом Раскольников про неё говорит: у неё же три дороги — в канаву броситься, в дурку сдать или прямо на площади помереть, а она свет несёт. И настолько интересно вместе искать и находить эти полутона! Я горю этой ролью и уже понимаю, что буду скучать по репетициям. С нами будет работать театральный хореограф, то есть спектакль частично будет решён пластически — без танцев, но с более выразительными и красивыми движениями.

— А есть что-то, что объединяет тебя с твоей героиней?

— Я ей завидую и у неё учусь.

— Чему?

— Веру и свету. У меня в сравнении с Соней отличное положение: есть работа, ребёнок, крыша над головой, а вот ощущения счастья и полноты жизни, которые её переполняют, у меня пока нет. Вера Сони — сильная и безусловная, это удивительно.

— Ася, а ты во что веришь?

— В Бога и в театр. В то, что посредством театра я меняю мир к лучшему.

Александра КАЗАНЦЕВА

Невидимые подвиги лета

Девочка десяти лет, глубоко вздохнув и лишь иногда запинаясь на словах «кERN» и «дендрохронологический анализ», со знанием дела рассказывает, как её команда определяла возраст окружающих деревьев. Те, кому 13-16 лет, уже совсем по-взрослому представляют свои исследования: о способах навигации в закрытых помещениях; о воздействии мощных средств на кожу; об оптимизации «мокрого сжигания» для замкнутой системы жизнеобеспечения. Всего участники детской летней школы «Бельчонок» подготовили 18 стендовых докладов и решили 5 кейсов — состоялась полноценная научная конференция.

Цветы сквозь асфальт

Летняя образовательная смена для одарённых детей «Бельчонок» проводится Сибирским федеральным университетом на базе оздоровительных лагерей уже четвёртый год. Нынешним летом 123 ребёнка выехали в лагерь «Салют» Канского педагогического колледжа. В их распоряжении были комфортабельные корпуса, спортивные площадки, крытый плавательный бассейн.

Кроме обширной образовательной программы, включавшей в себя знакомство с азами научной работы, проведение собственных измерений и исследований, мастер-классы от научных сотрудников (в том числе гостей из Индии Раджифа и Шубхры) и погружения в криптологию, детей ждала насыщенная творческая и спортивная программа. Здесь и «Канский кинофестиваль» (ребята собственноручно писали сценарии, готовили декорации, снимали — и в результате устроили конкурсный просмотр семи фильмов), и многоэтапный танцевальный марафон, и игра на выживание «Апокалипсис», и квест «Алиса» с ожившими героями произведения Кэрролла, и соревнования по водному поло и многое другое.

Заместитель начальника довузовского управления СФУ Ольга Ивановна ХОЛОСТОВА рассказывает о «Бельчонке» как об одном из важных мероприятий в общей системе работы университета со школьниками. Главными задачами этой работы являются ранняя профессиональная ориентация, повышение качества образования и развитие интереса к науке. В течение года СФУ проводит выездные фестивали, дни открытых дверей, родительские собрания в школах, интенсивные краткосрочные школы в профильных классах, олимпиады, конференции и т.д. Ребят, которые проходят через ту или иную форму этой работы, отличает главное — мотивированность на обучение, которая не угасает и в вузе. Причём когда они становятся студентами, то уже сами выступают в роли организаторов интенсивов со школьниками.

— Летняя смена «Бельчонок» в течение 20 дней позволяет работать с детьми, комплексно решая задачи и повышения качества образования, и мотивации к исследованиям, и профессиональной ориентации, — утверждает О.И. Холостова. — Когда вожатые, сами ещё студенты или недавние

выпускники, рассказывают детям о научных направлениях университета, о том, в каких исследованиях принимают участие, у школьников происходит лучшее понимание каждой специальности, что позволяет при поступлении сделать более осознанный выбор.

На летнюю лагерную смену мы берём в первую очередь ребят, которые участвовали в олимпиадах, были призёрами конференций или являются учащимися профильных классов школ-партнёров СФУ. Многие дети едут к нам уже не первый год, значит, им интересно. Мы даём ребятам не только новые знания, но помогаем найти и раскрыть свои таланты, учим задавать вопросы и отвечать на них. Школьники имеют уникальную возможность пообщаться с учёными, лучшими преподавателями и получить от них рекомендации и советы.

Активными партнёрами в работе со школьниками стали Институт математики и фундаментальной информатики и Институт фундаментальной биологии и биотехнологии СФУ. Команды студентов и аспирантов под руководством к.ф.-м.н. Ольги Николаевны ЧЕРЕПАНОВОЙ и д.б.н. Валентины Александровны КРАТАСЮК разработали и успешно реализовали образовательные программы.

Благодаря спонсорской поддерж-

кой эволюцию, — рассказывает профессор. — Сначала я прочитала им лекцию о разных теориях происхождения жизни на Земле; присутствовали и креационизм (божественная теория), и самозарождение, и панспермия (гипотеза, что жизнь на Землю занесена откуда-то), ну и, конечно, идеи биохимической эволюции. А потом были лекции по Дарвину в каждом из четырёх отрядов.

Рассказывая детям о Чарльзе Дарвине, я говорила о причинах выбора профессии учёного, об особенностях личности, которые необходимы, чтобы добиться успеха в науке. Скажем, Дарвину исходно повезло, его дедушка Эразм Дарвин был эволюционистом. Фактически Дарвин варился в этих идеях. Так же как Софья Ковалевская, у которой комната вместо обоев была оклеена страницами из учебника математики; с детства она смотрела на эти стены и... стала математиком. Получается, чем раньше погрузишь человека в определённую среду, тем больше он успеет. Так вот, я говорила, что им, участникам «Бельчонка», тоже повезло. Пусть у них нет дедушки-эволюциониста, но есть мы, которые погрузили их в исследовательскую среду и создаём условия для того, чтоб они могли, если захотят, стать учёными.

Дальше: Дарвина отправили в

отстаивать свою точку зрения. Работа над проектами, начатыми в «Бельчонке», не заканчивается и после смены — мы обеспечиваем их сопровождение и поддержку, предоставляем возможности лабораторий СФУ в течение всего года. Таким образом, ребята дорабатывают свои идеи и готовят работы к научно-практическим конференциям, которые проходят в СФУ в октябре и апреле.

Оставляем мы простор и для детского творчества, предлагаем множество путей для раскрытия любых талантов. Я вообще противник отбора исключительно одарённых детей. Потому что каждый одарён. Для ребёнка нужно только создать условия, и он проявится. Можно сказать, это эффект огурца: положи его к солёным, и он станет таким же.

Эволюция между 17 июля и 6 августа

«Первый отряд — лучший отряд!» — кричат ребята из второго отряда. «Второй отряд — лучший отряд!» — тут же слышишь от первого в ответ. То, что детям в лагере комфортно, видно невооружённым глазом. Они то и дело что-то скандируют или репетируют. Радуются за тех, кого хвалят, как за себя. На сцену, чтобы поддержать даже самого младшего исполнителя танца или песни, может выйти весь лагерь. Они даже бегают как-то дружно и аккуратно.

Даниилу СИРГИЕНКО 15 лет, он из Красноярска. Мы говорим с ним, когда его отряд расходится после «Свечки» (вечерний сбор, где каждый делится своими впечатлениями о прошедшем дне). Шум переключек и разноголосицы стоит такой, что Даниила почти не слышно, хотя парень он звонкий. В «Бельчонке» — третий раз. Говорит, ездил и в другие лагеря, но такой атмосферы нигде не встречал: «Это вообще не школа, это семья!». И всё же — это школа: благодаря ей он смог продвинуться по многим предметам.

— Потому что учёба здесь — главное. Например, в прошлом году было много истории, и она очень пригодилась мне потом, я даже смог контрольную по Древнему Риму написать на пятёрку. В этом году выбрал направление кейсов. Мы разбирали доставку грузов на орбиту, предлагали свою идею, рассматривали экономику этого процесса. Интересно. Да много было интересного в этот заезд! У меня появилась тяга к кино, диджейству, к математике, к шифрам. О биофизике я узнал то, чего вообще не знал. Не могу сказать, что я уже сделал выбор какого-то направления, мне хочется попробовать всё. Но точно знаю, что хочу поступать в СФУ.

Алина ДЕПУТАТЕНКО, 14 лет, Красноярск. На открытой сцене идёт подготовка к конкурсу роботов, и мы с Алиной уходим говорить в беседку. Алина в «Бельчонке» четвёртый раз, а вообще — это её 16-й лагерь. Нравится ей везде, но «Бельчонок» на особом счету:

— Здесь ты всегда занят, нет чувства неприятной свободы, когда тебя отправляют на все четыре стороны. Здесь расписана каждая минутка, не присядешь, но это и хорошо. Всегда что-то новое. А вожатые и преподаватели так вообще абсолютно не похожи на тех, что в других лагерях. «Бельчонок» дал мне как минимум 20 лучших друзей, много знаний и представление о собственном будущем: я определилась, что буду поступать на биофизику. Интересно, что ещё

ке предприятий-партнёров СФУ «ИСС им. М.Ф. Решетнёва», «Полюс», «Научно-практического центра магнитной гидродинамики», а также Института нефти и газа в этом году стало возможным обеспечение ребят необходимыми расходными материалами, реактивами для проведения опытов и исследований, приобретение сувенирной продукции для поощрения лучших участников.

Стать Дарвиным XXI века

С заведующей кафедрой биофизики, профессором Валентиной Александровны КРАТАСЮК мы беседуем в последние дни заезда, когда опыты проведены, доклады написаны, и остаётся только принимать отчёты подопечных, будь то представление кейса или запуск планеров.

— Темой этого года мы выбрали

путешествие. От путешествий все «умнеют», потому что человек видит много нового, сравнивает, анализирует. Дарвин в путешествии собирал коллекции — ещё одно полезное занятие для потенциального учёного. Любое коллекционирование, от спичечных коробков до слоников, учит систематизации и классификации. Допустим, у меня внук собирает монеты, которые сейчас в ходу. Он собирает их по годам, смотрит, каких нет, занимается поиском недостающего. Это не требует никаких вложений, зато учит определённой работе: разложить, подписать... И что важно — это доступно любому ребёнку.

Почему так важно говорить о качествах учёного? Потому что одно из ключевых направлений нашей школы — научно-исследовательская деятельность. Мы учим детей подвергать сомнению устоявшиеся постулаты,

в прошлом году я не думала об этом направлении, хотела пойти на языки. А вот послушала лекции, сделала исследование и поняла, насколько это интересно.

Не поговорить с человеком, который благодаря «Бельчонку» съездил в Америку, было никак нельзя, и теперь уже **Александр ЧЕПОВСКИЙ** (15 лет), прервав репетицию финального выступления отряда, рассказывает о своём успехе:

— В прошлом году в «Бельчонке» мы вместе с Полиной ВОРЗОНИНОЙ начали исследование «Новый способ индикации кислотности среды с помощью растений». Доработав этот проект, мы в октябре 2015 г. выиграли конкурс «Наука 0+» в Красноярске, потом стали финалистами в Москве и в числе ещё 14 участников от России получили путёвку на международный фестиваль «Учёные будущего». Он проходил в г. Феникс, штат Аризона (США) в мае 2016 г. Это было очень круто! Три тысячи ребят со всего мира — умных, интересных, добродетельных... Хотелось бы поехать туда ещё.

Иван ЗОЛИН (16 лет, Назарово) — тот парень, кто на этот раз оказался первым в рейтинге, где учитывалась всесторонняя активность ребят. На протяжении всех 20 дней Иван ни в одном деле не оставался в стороне. Как выяснилось, он в принципе очень активный человек — участвует в олимпиадах, учит языки, ездит в образовательные лагеря, в дневнике имеет лишь одну четвёрку — по географии. И на своё будущее у Ивана были определённые взгляды. Однако знакомство с СФУ внесло некоторые коррективы в его планы.

— Под руководством Марка Николаевича БАЖУТОВА я сделал исследование в области дендрохронологии, и мне очень понравилось! До этого я выбирал, куда поступать, между Новосибирским военным институтом (привлекала военная разведка), МГИМО (дипломатия), Санкт-Петербургским государственным университетом (исторический факультет). И вот теперь меня заинтересовала биология! Так что через два года я буду рассматривать СФУ как один из ключевых вариантов.

Ловцы душ

Павел ЮРЬЕВ — специалист НИЧ СФУ. Мы говорим на ступеньках столовой под остроумную песенку из репродуктора, которая зовёт на обед: «Не пейте из Енисея, в столовой компот вкуснее...». Павел Олегович в университете участвует в трёх научных темах металлургической направленности, а здесь он — вожатый 1 отряда.

— Передо мной стояла амбициозная задача — научить детей заниматься проектной деятельностью. Будь ты самый великий учёный или топ-менеджер — сегодня все занимаются проектами, так что за этим направлением будущее. Я дал ребятам конкретные научные задачи — реальные проблемы, с которыми заказчики обращались в Московский физико-технический институт. Метод решения — кейсы, актуальная сегодня технология. Надо сказать, что ко многим задачам дети подошли с нетривиальной стороны, и меня это обрадовало. Заключительной частью нашей работы стала защита интеллектуальной собственности — придуманных детьми ноу-хау, и здесь уже было тяжело, потому что даже многие кандидаты наук не могут справиться

с оформлением патентов. Тем не менее школьники, надеюсь, уже сейчас усвоили, что свои гениальные идеи не надо откладывать в долгий ящик, а надо защищать в патентной заявке.

С Анастасией ФИЛИПОВОЙ, студенткой 4 курса Института фундаментальной биологии и биотехнологии СФУ, мы наблюдаем запуски ракет, подготовленных ребятами, выбравшими в качестве направления работы авиамоделирование. Настя

ла по «взрослому» научному гранту, участвовала в разработке методики измерения влияния разных стрессовых нагрузок на организм человека.

— Эта тема детей сразу заинтересовала. Они хотели многого: посмотреть, как на состав слюны влияет возраст, пол, утро или вечер, физическая нагрузка или эмоциональная (поцелуи, например). Всё это за короткий срок успеть невозможно, но по физической нагрузке они иссле-

приезжает вожатой второй год, хотя раньше никогда не думала, что работа с детьми будет ей так нравиться.

— Когда мы приходим на смену, всегда хочется дать детям много интересного, преподнести доступно то, что не объясняют в школе. Мы читаем лекции, проводим интеллектуальные игры, мастер-классы, показываем лабораторное оборудование, учим оформлять проекты.

В институте Анастасия работа-

дование сделали. Причём предварительно разработали анкету, спрашивали у обследуемых о хронических заболеваниях, вредных привычках и т.д. Затем в пробирки Эппендорфа собирали слюну до и после фиксированной физической нагрузки (30 приседаний), измеряли влияние среды на биолюминесценцию, рисовали графики, делали выводы. Дней 12 плотно работали, используя, между прочим, лабораторный комплекс «Энзимо-

люм» (школьный исследовательский практикум) — инновационную разработку ИФБиТ.

Кстати, одна из девочек этой команды — Аня ЯПИНА (12 лет, г. Боготол) — в «Бельчонке» впервые, приехала как призёр олимпиад по русскому языку и математике. А вот теперь она намерена заняться биологией и очень надеется продолжить своё исследование, чтобы принять участие в конкурсе «Наука 0+» этого года и представить проект на международном уровне.

Андрей НИКИТЕЕВ, вожатый 2 отряда — сотрудник довузовского управления. Ещё до работы в СФУ Андрей имел опыт работы с детьми, но подход к образовательному, воспитательному и развлекательному процессу в «Бельчонке» его впечатлил.

— Дети не просто делают лабораторные работы, а именно занимаются учебно-исследовательской деятельностью: ставят цель, задачу, проводят эксперимент, делают выводы. Вообще поражает контраст между возрастом и рвением, способностью ребят работать в режиме многозадачности. Ведь помимо образовательной программы было очень много творческих конкурсов. Взять тот же «Канский кинофестиваль», при подготовке к которому многие попробовали себя в качестве операторов, режиссёров и авторов фильмов.

...Раз уж заговорили о фильмах — лучшим на этом кинофестивале был признан ролик «Лагерь странных детей». Его, как и другие видео, можно посмотреть на странице школы ВКонтакте. Там же — комментарии родителей, которые на протяжении всей смены могли в интерактивном режиме наблюдать за времяпрепровождением своих детей. И такая возможность, конечно, не оставила их равнодушными.

Елена ЧИСТОВА: «Спасибо креативщикам лагеря за современные мультимедийные формы развлечения! Каждый ребёнок имел возможность в чём-нибудь да проявить себя. Спасибо всем преподавателям за уникальные и увлекательнейшие занятия! Моя 10-летка с упоением и восторгом всем рассказывает о влиянии антибиотика амоксицилина на живые и мёртвые бактерии! Отдельные слова восхищения профессору В.А. Кратасюк — за энтузиазм, полную включённость и неиссякаемую энергию! Фото-отчёты в нашей семье — это настоящее реали-шоу! Просматривая их, мы теперь как будто со всеми знакомы. И в заключение слова благодарности хочется сказать вожатым — за терпение, выдержку и полную эмоциональную отдачу!».

Валентина ЕФАНОВА

На фото:

1. И флаг, и гимн СФУ стали для школьников родными.
2. В.А. Кратасюк пригласила в «Бельчонку» гостей из Индии.
3. Парад миньонов.
4. Защита кейсов.

Люди и Крым

Аэропорт Симферополя с бесконечной взлётно-посадочной полосой — после приземления только ленивый не пошутит, что, дескать, ещё немного, и докатимся до самой Ялты — напоминает глубоко провинциальный вокзал: шумно и многолюдно, но чрезвычайно лениво. В вечернем зное пассажиры подкарауливают несколько усатых таксистов.

— Мне бы в Ялту, — говорю. — Сколько возьмёте?

— Три с половиной, — не моргая, отвечает он.

Три с половиной тысячи рублей стоит билет из Симферополя в Москву на Ту-204, если вы отмолили все грехи и готовы доверить себя отечественному авиапрому. Это примерно 1200 километров. От Симферополя до Ялты — чуть больше восьмидесяти. Нет, дешёвизна крымского отдыха — не миф, просто местные жители не вполне принаровились к ценам новой родины.

— Вы это мне в валюте предлагаете? — ёрничаю я, вспоминая рассказы знакомых о том, что в украинские времена на полуострове предпочитали подсчитывать всё в долларах.

— Ты не русский, что ли? — подозрительно щурится таксист. — А мы тут теперь все русские, так что только рубли.

— Я лучше по-советски, на троллейбусе.

Еду в Ялту по легендарному, самому длинному в мире междугородному троллейбусному маршруту почти три часа, любясь сумеречными видами заоконья, не успеваю на автобус до Севастополя и всё равно вынужден переплатить довольноному таксисту. Не тому ли самому?

Я поселяюсь в пансионате на берегу моря, недалеко от Симеиза. Конец июня, ещё не сезон, поэтому на пляже кроме меня десять человек и несколько котиков. Говорят, вчера в море видели дельфина. Вечером отправляюсь в единственный работающий в округе ресторанчик, где за стойкой пылится официант Володя.

Володя — пример хрестоматийный: у него двухкомнатная квартира в Ялте, которую он сдаёт отдыхающим за сорок тысяч в месяц, а сам живёт на втором этаже небольшого сарайчика в пляжной зоне. Холодное пиво он разносит скорее от скуки, днём смотрит сериалы и спит, поэтому немного похож на испанца во время вечной сиесты.

Володя спрашивает, откуда я. Отвечаю, что из Сибири.

— То есть русский? — переспрашивает он.

— Слушай, — настораживаюсь я. — У вас тут какие-то проблемы с идентификацией? Ты мне скажи, а то я в Крыму первый раз. Может, нужно ходить, завернувшись в триколор, и тогда скидки и уважение обеспечены?

— Это тебе надо было в Севас ехать год назад, тогда могло прокатить, — добродушно смеётся Володя. Севас — это Севастополь. — А теперь нам как-то без разницы. Если бы ты украинцем был, я бы тебе что, пива не налил? Мы, крымчане, всех уважаем.

Сам Володя больше всех уважает Владимира ПУТИНА и признаётся в этом с нескрываемой гордостью. В

Крыму культ Путина посильнее, чем в любом сибирском госучреждении, но при этом абсолютно искренний, народный. Два дня спустя я буду покупать в Ялте местную прессу и из любопытства поинтересуюсь, нет ли постера с президентом. Продавщица выудит из-под прилавка целую охапку плакатов.

— Путина берёшь? Правильно, — одобрит бабушка, которая ждёт на остановке автобус. — У нас в каждом углу в комнате его фотография.

По данным ВЦИОМ, через два года после известных событий 95% жителей Крыма вполне довольны нынешним положением дел. Трудно поверить в такое единодушие, и поэтому в перерывах между морскими и горными процедурами я жадно впитываю каждое словечко по этому поводу.

Никто из местных жителей себя к украинцам не причисляет. Говорят: или крымчане, или севастопольцы, или русские. Приезжих делают на русских и москвичей, причём последних потихоньку привыкают не слишком уважать, и это важное свидетельство того, что регион приживается к России-матушке. Крым при Украине — это дешёвые цены, плохие дороги

и низкие пенсии, твердят местные. После референдума пенсии взлетели так, что пожилым людям вопросы про присоединение можно не задавать. Но у тех, кто, например, занимается бизнесом, восторгов нет. Необходимость привыкать к российскому законодательству — повод поворчать.

Ещё недовольны крымские татары, которые всегда настаивали на большей автономии. Правда, на бытовом уровне это недовольство не кажется каким-то национально окрашенным. В Бахчисарае, бывшей резиденции грозных крымских ханов, а ныне — весьма невзрачном, за вычетом достопримечательностей, городке, коротаю время за беседой с Фатихом, который занимается строительством. Он не рад тому, что в Крым пришли «москвичи», потому что цены на строительные материалы выросли, ведь доставка сильно подорожала. Ещё у него были какие-то захваченные земли под Симферополем, с самостроем, но по российским законам их придётся отдать.

— Зачем вы мне тут нужны? — тоскливо вопрошает он.

Одна из достопримечательностей Крыма — это теневые остановки. Междугородные автобусы маленькие, в какой-то момент ты обязательно не успеешь купить билет, подойдёшь к водителю и спросишь, нельзя ли проехаться с ним вон до той точки на карте в строго вертикальном положении. Водитель отправит тебя искать первый угол после официального остановочного пункта — и там ты обнаружишь толпу таких же безбилетных, но деятельных граждан.

Крымчане кажутся вечно хмурым россиянам удивительно вежливыми людьми. Расплачиваясь, каждый благодарит водителя за дорогу. Люди не толкаются, помогают пожилым выбираться из общественного транспорта. Много улыбаются.

На Южнобережном шоссе теневых остановок нет, и тени нет тоже. Когда ждать автобус под палящим солнцем становится невыносимо, на помощь приходят попутки.

— Вы, русские, злой народ, — внешне говорит подобранный меня на трассе Алексей.

Я с любопытством смотрю на него.

— Злые — это не в смысле плохие, — объясняет он. — Вы склочные, нервные, легко идёте на конфликт, даже будто бы ищите его. У вас мозги

на руке, и учительница публично заставила её этот браслет снять.

Воспитанный на книгах Владислава КРАПИВИНА, я люблю Севастополь всем сердцем, ещё даже не увидев его. Как говорит подруга Мария, социолог по профессии, здесь исторически сложилась другая культура поведения, которую можно отождествить с петербургской. При этом Севастополь всегда был российским чуть ли не демонстративно. Новый год встречали по московскому времени — с салютами, шампанским и президентом РФ по телевизору. А киевский, который на час позже, — уже по инерции.

— Дядя живёт в Севастополе, но на праздники поехал в приморский посёлок, к бабушке на юбилей, — рассказывает Мария. — А у неё нет кабельного телевидения, только украинский телеканал. На Путина, естественно, не посмотреть. Когда дядя узнал, что не увидит новогоднее послание президента, обошёл всех соседей, и всем вынес мозги, пока не раздобыл радиоприёмник. Иначе, говорил, не встретить правильно.

В Севастополе живут мои давние друзья. Они переехали сюда четыре года назад — махнули напрямик из Красноярска на старенькой «десятке», которая, как я вскоре убеждаюсь, по-прежнему лихо скачет по местным холмам. Он — артиллерист, закончил военную кафедру в Сибирском федеральном университете и поехал служить по контракту. В прошлом году уволился из армии — после референдума российским военным платить стали существенно меньше.

Оба они сейчас работают в местном отделении федерации лучного спорта. Никакого отделения до их приезда здесь не было — это они его организовали. Говорят, что дети охотно занимаются, а вот сибирякам в сорокаградусную жару приходится тяжело, все мысли только об инфаркте.

По руинам древнего Херсонеса бродят туристы и украдкой прячут по карманам осколки мраморных бусыжников.

— А давайте я вас на фоне прибора сфотографирую? — предлагает мне весёлая девушка в футболке с надписью «Севастополь — город русских моряков».

— А давайте, — соглашаюсь я. Потешно выплясываю на прибрежных камнях, пока волны пытаются ухватить меня за кеды, а она подбирает удачный ракурс. За моей спиной — небольшая бухточка. Там, прямо под табличкой «Купаться запрещено», плещутся местные жители. Кажется, это ещё и границы музея, но народ ничуть не напрягается.

— Это для вас достопримечательность, а для нас просто вид за окном, — смеётся она. А потом доверительно добавляет. — Я, правда, иногда думаю: вот придут к нам немцы какие-нибудь или бельгийцы, придут посмотреть на древнегреческие развалины, а здесь полуголые бабушки. Как-то не по-европейски, что ли.

Мы идем гулять. Серые пятиэтажки сменяются высокими зданиями из инкерманского камня, на Приморском бульваре торгуют бутфорскими тельняшками, через Артиллерийскую бухту скользит паром, над трубой полещется на ветру триколор, но рядом стоит подросток в наушниках, и из них громко играет украинское радио.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Столовая в стиле «очень плохой функционализм»

Уроки искусства в Красноярской летней школе

Красноярская летняя школа вырастила уже не одно поколение целеустремлённых людей. Складывается ощущение, что из августовского пребывания в КЛШ школьники получают какой-то новый взгляд на мир. И в этом году некоторые впервые учились смотреть на мир через призму искусства. О том, какой интересный проект из этого получился, мы поговорили с Оксаной БУДУЛАК, ставшей первым лектором по искусству на КЛШ. Оксана — искусствовед, куратор, идеолог «Быстровок» (однодневные выставки) и «Репетиций» (театр уличного перформанса), заместитель директора Музейного центра «Площадь Мира».

— Оксана, действительно искусство как направление на КЛШ раньше не практиковалось?

— На школе никогда до этого не было про искусство, меня позвали впервые. Всего там 4 направления — естественные науки, точные науки, филологические и общественные. В общественных есть всё — экономика, юриспруденция, история, и я с искусством. Обычно там предметом 3 недели занимаются, я занималась полторы. Конечно, за 6 уроков научить анализу искусства довольно сложно, особенно когда у тебя совсем неподготовленная публика.

— Насколько дети не подготовлены?

— Приходилось совсем с азов начинать, историю искусства школьники не знают. У кого-то были уроки МХК, кто-то в художественной школе учился, но в целом настолько обрывочные знания, что извлекать их приходилось отовсюду, из литературы, например. Когда я рассказывала о постмодернизме и упоминала какие-то стилистические термины, дети вспоминали, что что-то об этом читали — в книжках по философии, допустим. То, что эти вещи пересекаются, школьная программа не акцентирует.

Самым интересным было показывать им театр, потому что изначально дети почему-то не любят театр, видимо, ещё раньше получили плохую прививку: «Я этот ваш театр не понимаю». Я им рассказала о современном театре, экскурс дала, и мы смотрели «Ад» Ромео КАСТЕЛЛУЧЧИ, у меня была демонстрационная версия. И мы прямо на ходу анализировали, причём уже где-то на середине ребята вскрыли основную идею. И было интересно следить, как увлék их просмотр.

— А цель курса была какая с учётом этих сложностей?

— Меня пригласили в качестве лектора, потом выяснилось — ещё и вожатого, что для меня стало сюрпризом, но приятным. Я предложила четыре направления, в итоге выбрали «методы и анализы искусства». Курс из 6 занятий для школьников 7-11

классов. Я учила их «смотреть», настаивала оптику. Рассказывала, как смотреть на скульптуру, что такое живопись, архитектуру мы прошли по стилям. В конце каждого занятия они делали анализ.

— При этом анализировали архитектуру столовой...

— Я хотела, чтобы они не просто слушали и записывали, как в школе, а делали практическую работу. Поэтому в конце каждого занятия школьники анализировали тот или иной объект искусства.

В КЛШ есть большое мероприятие, где каждое направление что-то показывает, по желанию. Например, криминалисты сделали место преступления, улики расставили. Мы решили показать наши анализы. Вы-

А в 90-х крыша прохудилась, и поставили двускатную, это и дало то самое «очень плохое», нарушило целостный стилистический облик, что обычный человек воспринимает просто как «некрасиво». Реакция у всех на наш анализ была интересная, в итоге мы подарили этот плакат директору лагеря.

— Проработав полторы недели в КЛШ, ты поняла, что с приобщением детей к искусству надо что-то делать. В итоге в красноярском Музейном центре «Площадь Мира» появится волонтерская программа для школьников...

— На самом деле идея волонтерской программы зрела у меня очень давно. Когда готовишь крупный проект, тебе нужна помощь, а в му-

— Я рассказываю им про всё: про историю музея, отдельные выставки, про современное искусство — что происходит в культуре сегодня. Они с интересом это слушают, задают вопросы. А я им в ответ задаю вопросы, складывается некий диалог. На современное искусство они реагируют на языке мемов: «сложно», «непонятно». Когда сложно и непонятно — для нас это маячок, мы начинаем рассказывать. Приходится говорить простым языком и разбирать очень подробно. Но всё равно очевидно, что для попадания в контекст нужны дополнительные знания. И дети спрашивают, где об искусстве можно узнать, куда поступить.

И вот я подумала: почему бы не совместить всё это? Они будут ближе к тому, что им нравится, а нам будет сильная помощь. И воспитание зрителя, конечно. Я изучила волонтерские программы. Есть такая сеть волонтеров для музеев — «Спутник», и Политехнический музей разработал для неё прекрасную карту. Карта позволяет ходить бесплатно на экспозиции музеев — их порядка 10, самые классные. Плюс ты получаешь бонус личного общения с художником, это интересно. Мы в данный момент продумываем волонтерскую программу, там тоже будет система поощрения. Например, будем выбирать двух лучших за год и отправлять в Эрмитаж на стажировку для волонтеров. Будь я школьником, сама бы очень хотела попасть на такую программу поддержки волонтеров.

— А что конкретно волонтеры будут делать в музее?

— Деятельность музея: сохранять и показывать. Это фондовая работа, и нужна помощь по созданию фотоархива — оцифровать, делать описи. И, конечно, экспозиционная деятельность — монтаж, дизайн выставок, перевод текстов (так что знание языков у претендентов приветствуется). Далее — участие в разработке образовательных программ, создание музейных игр. Если у школьников есть опыт, они могут быть и тьюторами, ведущими экскурсий. Конечно, они всегда будут работать в паре с куратором, координатором. Но речь идёт не только о школьниках, наша программа не имеет ограничений по возрасту: будем работать и со взрослыми.

Полина ФИЩЕНКО, 11 класс, участник КЛШ. Полина уже успела поработать волонтером в музее в рамках проведения I Сибирской лаборатории молодого искусства (август 2016).

— На КЛШ я была первый раз, ходила на курсы юриспруденции и искусства и по итогу решила, что не хочу быть юристом, а хочу быть искусствоведом, хочу заниматься этим. Когда мне предложили стать волонтером, я сразу согласилась, потом началась лаборатория. Встречала на вокзале в 6 утра гостей, приносила что-то художникам, фотографировала, для выставки «Гаража» развешивала много-много фотографий. Обязательно пойду ещё волонтером, если позовут.

Олеся ПОЗДНЯКОВА

Волонтерскую программу планируется запустить 1 октября. Приглашаются все желающие, подробная информация по телефону 89135154425.

брали «Чёрный квадрат», его было и сложнее, и интереснее всего анализировать. Сделали инфографику с выводами: что значит символ чёрного цвета, что значит красный угол (где картина висела) и др.

А столовая... Когда мы исследовали функционализм и конструктивизм в архитектуре, я всегда обращалась к зданию нашей столовой и говорила: «Вспомните, как выглядит фасад нашей столовой». Мы начали здание зарисовывать, решать, какой это тип симметрии, проходили много стилистических анализов.

В итоге выяснили очень интересный факт. Дети определили архитектурный стиль столовой как «очень плохой функционализм», и мы вскрыли, что это типовая модель — так строились лагеря по всей России. Между прочим, с плоскими крышами.

зее ограниченный штат людей. Да и вообще это общемировая практика. Всегда давали объявления, обращались к знакомым, в вузы, чтобы усилить ресурсную часть при подготовке: монтировать выставку, переносить объекты, встречать гостей. А тут получился «эффект КЛШ». В самой КЛШ ребята, которые выпустились из 11 класса, на следующий год идут «зондерами», помощниками, а через несколько лет — преподавателями, им разрешают вести целый курс. Мои зондеры подходили ко мне и говорили, что хотят чем-то помочь музею. Я предложила для начала им прийти на экскурсию — пришло 65 человек! Я никогда не вела экскурсии для таких групп одновременно.

— И как дети реагируют на искусство — уже не теоретическое, а в музее?

Невероятное случается

Легендарный «Дуглас» и подробности его эвакуации

Впервые историю о том, что посреди тундры стоит практически невредимый «Дуглас», мы услышали от Вячеслава ФИЛИППОВА, удивительного человека, который занимается поиском мест гибели военных лётчиков трассы «АлСиб» и устанавливает на этих местах мемориальные знаки. Идея вывезти «Дуглас» из тундры и установить в Красноярске принадлежит ему, хотя сам Филиппов тогда считал её практически неосуществимой. Но закидывал пробные крючки, где только мог: в Красавиации, в администрации, в СМИ... Когда в Красноярск приехал тогда ещё министр МЧС С. ШОЙГУ — попробовал увлечь и это ведомство красивой идеей. Но у МЧС — более насущные проблемы, до того ли... И вдруг — известие: «Дуглас» всё-таки вывезли! Конечно, первый, кого мы с этим поздравили, был Филиппов.

История крылатой машины

Самолёт С-47 «Дуглас» был изготовлен в США в феврале 1943 года и передан СССР по программе ленд-лиза. Новеньким его пригнали в Красноярск 12 марта 1943 года по знаменитой Красноярской воздушной трассе. Этот «Дуглас» оказался одним из немногих, не отправленных на фронт, а оставленных для выполнения специальных задач в тылу.

Самолёт попал в полярную авиацию Главного Управления Северного морского пути и получил регистрационный номер «СССР Н-328». Известно, что с 22 октября по 10 ноября 1943 года он производил позднюю осеннюю разведку льдов Карского моря под управлением лётчика М.А. ТИТЛОВА в составе Игарского авиаотряда, а с ноября 1943 года вместе с экипажем был передан Беломорской военной флотилии для выполнения важных оперативных задач по проводке караванов и северных конвоев.

Особо отличился экипаж нашего «Дугласа» при выполнении правительственного задания по проводке кораблей конвоя АБ-55 (ледоколы «Сталин», «Ленин», «Литке», «Дежнёв», «Мурман»), шедших из Арктики в Белое море под личным руководством командующего Беломорской военной флотилией. Не секрет, что немецкие подводные лодки представляли большую опасность для арктических конвоев, поэтому их своевременное обнаружение лётчиками полярной авиации и передача информации на корабли спасли не одну жизнь. Кстати, за отличное выполнение правительственных заданий по проводке конвоев Михаил Алексеевич Титлов был награжден орденом Отечественной войны 2 степени.

До конца войны самолёт работал на обеспечении Карской военно-морской базы — перевозил из Диксона в Архангельск и обратно грузы, личный состав, выполнял ледовую разведку. В 1946 году при реорганизации полярной авиации был передан в Красноярское управление Гражданского воздушного флота и получил новый регистрационный номер «Л-1204».

22 апреля 1947 года «Л-1204» вылетел с пассажирами из бухты Кожевникова в Дудинку. Через полчаса полёта вышел из строя один двигатель, ещё через некоторое время — второй. Пилот Максим ТЮРИКОВ ранним утром (в 5.30) 23 апреля посадил самолёт в тундре без единой жертвы. Через несколько дней он с боргмехаником, бортрадистом и шестью пассажирами ушёл от самолёта в поисках жилья. Все девять человек погибли при невыясненных обстоятельствах. Оставшихся у самолёта пассажиров

спасли и вывезли из тундры только 11 мая 1947 года. Самолёт остался на месте вынужденной посадки (подробнее вся история самолёта, фотографии экипажа — в газете «Новая университетская жизнь» от 16 апреля 2015 г., gazeta.sfu-kras.ru/node/4530).

В Государственном архиве Красноярского края сохранился акт списания «Л-1204» от 24.05.1947 г., где в том числе сказано: «...Самолёт подлежит капитальному ремонту, но находится на замёрзшем болоте в тундре на расстоянии 180 км на водоразделе рек Янгода, Луктака и Гарбит севернее посёлка Волочанка Авамского района Таймырского округа. Транспортировка самолёта не представляется возможной (горы, болота, реки)».

Прошло 69 лет

Сотрудник музея Военно-инженерного института СФУ, подполковник запаса Вячеслав Филиппов рассказывает, как родился и развивался проект эвакуации самолёта «Дуглас ждёт».

— Фотографии с места аварии, привезённые одним из геологов, я увидел ещё в 2007 году. Был очень удивлён высокой степенью сохранности само-

Он почти врос в тундру

лётца. Но думал: раз туда кто-то уже добрался, «жить» самолёту осталось недолго, так как люди, желающие превратить в деньги тонны цветного металла, найдутся и в тундре.

Тем не менее выяснил историю самолёта и его «крайнего», как говорят пилоты, полёта. Она оказалась трагичной, зацепила за душу. Но долгое время это никому, кроме меня и моих немногочисленных единомышленников, не было интересно.

В 2011 году увидел новые фотографии самолёта, они не отличались от фотографий 2007 года. Понял, что не-

смотря на появившуюся, в том числе с моей помощью, информацию о самолёте в Интернете, его не разобрали и не сдали в металлолом. Решил, что мысль об эвакуации машины с Таймыра, её восстановлении и установке как памятника в Красноярске не такая уж идиотская... Начал активно «пиарить» тему в Красноярске: выступал, писал статьи, включал информацию о самолёте во все выпускаемые книги, разговаривал с разными людьми и т.д. И я сам, и все, к кому я обращался, понимали, что дело это чересчур хлопотное и дорогое. Но жалко было, что практически целый уникальный ленд-лизовский самолёт военного времени пропадает в тундре.

Конкретный интерес к этой теме встретил, только начав работать в СФУ — у директора Военно-инженерного института Е.Н. ГАРИНА. С Евгением Николаевичем и стали искать реальные пути реализации этой идеи. Долго не получалось обрести единомышленников. Реально всё сдвинулось с мёртвой точки после встречи Е.Н. Гарина с руководителем Экспедиционного центра Русского географического общества в СФО Игорем Анатольевичем СПИРИДЕНКО. Дальше уже началась работа Русского географического общества — письма, согласования, поиски финансирования. В результате длительного и кропотливого подготовительного этапа 2 августа этого года экспедиция «Дуглас ждёт» вылетела на Таймыр из Красноярска.

Работа началась. Разобранный самолёт был с помощью вертолётной компании «АэроГео» по частям перенесён на внешней подвеске (что само по себе не частый случай в практике авиаторов) на баржу на реке Пясины и отправлен дальше до Дудинки, потом из Дудинки в Красноярск.

На месте аварии был установлен красивый памятный знак. В торжественном мероприятии участвовали

С. Свентитскому.

А.М.: Серьёзная и систематическая подготовка к экспедиции началась в апреле-мае 2016 года. Формировалась команда, закупалось оборудование и снаряжение, определялись транспортные пути, логистика перевозок, шли переговоры с партнёрами, администрацией Таймырского округа. И масса других дел, от заброски к месту аварии десятков бочек с топливом для вертолётки до приготовления специального настоя из шишек, дёгтя и спирта, чудесно помогающего от комаров и гнуса. Кстати, настой не пригодился, не нашлось комаров для испытания этой гремячей смеси.

С.С.: Александр Матвеев и Сергей Алексеев (аэродром «Кузнецово») изучили огромное количество литературы по эксплуатации и ремонту самолёта С-47, промониторили для этого весь Интернет (нашли даже раритеты-руководства 1940-х годов). Разобрались, какой нужно взять инструмент, составили технологические карты по каждому разбираемому узлу. Так что к началу экспедиции мы были готовы к любой штатной и нештатной ситуации при разборке самолёта.

К началу августа 5 тонн оборудования и инструментов, 8 кубометров пиломатериалов, 78 бочек с ГСМ и различной еды было загружено на баржу и отправилось в Дудинку. Команде осталось получить новенькую форму и сфотографироваться на фоне вертолётки.

С.С.: Экипаж вертолётки из «АэроГео» показал высочайший профессионализм, не только работая в сложных метеословиях с крупногабаритными грузами на внешней подвеске, но и с первого же дня присоединившись к непосредственной разборке самолёта, помогая и полезным советом, и физической силой.

Экспедиция стартовала из Красноярска 2 августа. Сначала был воздушный бросок до Хатанги и пара свободных дней в ожидании прибытия нашей баржи в точку «икс». Это место на реке Пясины, определённое расчётами как наиболее близкое (80 км) к месту аварийной посадки «Дугласа». Именно между этой точкой и самолётом происходили все перевозки и транспортировки. В ожидании баржи команда не теряла времени даром: посетили местный этнографический музей, где американца Глена МОССА учили играть на варгане и продемонстрировали настоящий американский винчестер (имеется в виду карабин), найденный на просторах Таймырской тундры.

А.М.: Благодаря участию гражданина США экспедиция приобрела статус международной. Глен уже знаком и нашей команде, и жителям Красноярска по перелёту «АлСиб-2015». Красноярск в прошлом году принимал гостей, повторивших перелёт на двух самолётах по Красноярской воздушной трассе. Этот молодой американский пилот, налетавший за штурвалом «Дугласа» тысячи часов, был для нас живой инструкцией по разборке самолёта. В трудных случаях то с крыла, то от двигателя, то от хвоста слышалось «Глен, хелп ми...». И Глен тут же появлялся, говорил пару слов, показывал пальцем или сам нырял под закрылок, на мокрые моховые коврики с замечательным набором инструментов, привезённых из Флориды.

С.С.: Интересно выглядело общее. К концу экспедиции наш амери-

родственники погибших лётчиков — командира корабля М.Д. Тюрикова и бортрадиста А.Д. СМЕРНОВА.

От нас в экспедиции участвовали мои главные помощники по поисковому отряду ВИИ СФУ «Трасса» Александр МАТВЕЕВ и Сергей СВЕНТИТСКИЙ, которые прошли все этапы подготовки и реализации проекта.

С места событий

Разумеется, у непосредственных участников экспедиции — самая точная информация. Слово А. Матвееву и

канец начал употреблять довольно много русских слов, особенно бытовых. Но и мы, работая уже без присутствия Глена, начали употреблять ходовые английские слова в разговоре между собой. Вот такое взаимопроникновение культур.

А.М.: В Хатанге к нам присоединились ещё два участника экспедиции — Сергей ГРИНЕНКО и Дмитрий ЭККЕРТ, сотрудники отдела МЧС на Таймыре. Эти могучие, всегда готовые помочь ребята вселяли в нас уверенность и спокойствие, а также разнообразили наш стол замечательными экземплярами арктического гольца, который в изобилии встречается в тундровых озёрах.

С.С.: Когда прилетели к месту аварии, в боковые окна Ми-8 мы сначала не увидели ничего. Но винты остановились, мы высыпали наружу, и вот он, самолёт, в 300 метрах, на ровной, как стол, поверхности тундры, заросшей карликовой ивой. Мы не ринулись, спотыкаясь, чтобы скорее пощупать его руками и заглянуть внутрь. Не спеша разгрузили вертолёт, укрыли всё от ветра, присмотрели площадку для лагеря. И только потом по одному начали подтягиваться к «Дугласу». Знали, что мы здесь надолго, ещё насмотримся.

А.М.: Самолёт как бы врос в тундру. Шасси совсем скрылись во мху. Нижние стороны плоскостей почти накрыли карликовые заросли. И только смятый нос и уцелевший воздушный винт возвышались достаточно высоко.

Самолёт оказался обитаем. Десятки небольших птичек, похожих на трясогузок, поселились в полостях крыльев и фюзеляжа. Увидев на пороге непрощенных гостей, они заматались внутри, как летучие мыши в пещере.

Кроме разборки самолёта члены экспедиции буквально перекопали всю территорию вокруг места аварии и нашли много интересных вещей, имеющих к ней непосредственное отношение. Некоторые раритеты сохранились в хорошем состоянии.

А.М.: Превосходные американские радиостанции, радиоконпасы; возможно, их удастся отреставрировать. И на удивление комплектно всё — самолёт разгромлен, но не разграблен. Всего лишь единичных деталей не хватает. Некоторые вещи вообще удивительные, я их видел только на исторических фотографиях. Например, печки на базе огромных бензиновых примусов для разогрева двигателей в зимних условиях.

Ещё один полёт ветерана

С.С.: Все окрестности вокруг самолёта были завалены обломками приборов, выломанных из кабины и фюзеляжа. Унести что-то далеко в тундре достаточно трудно, а не сломать наш человек не может, поэтому всё варварски выдранное «с мясом» бросали тут же. Порадовало, что тундра и болотистый грунт хорошо сохранили металл и краску.

А.М.: Увидел большое количество консервных банок, крупного размера, сильно заржавленных. Сначала не придал им особого значения, прочитал «Свинина тушёная». Потом вдруг понял, что в слове «тушёная» вместо нашей буквы «У» использована английская «Y». А ниже клеймо «US». У меня в руках была банка из-под американской тушёнки — знаменитый «второй фронт»!

Члены экспедиции сильно переживали, что вдруг не взяли какой-то специфический инструмент (а для «Дугласа» он свой, «дюймовый», наши «советские» ключи не подходят). За столько лет в тундре, несмотря на кажущееся отличное внешнее состояние, самолёт мог оказаться сгнившим, со сквозной коррозией алюминиевых деталей, с неподдающимися разборке проржавевшими болтовыми соединениями...

С.С.: Первый же внимательный осмотр показал, что нам повезло. Самолёт выпуска «дремучего» 1943 года разбирался абсолютно штатно, так как это делается на новом самолёте. Он не сгнил и практически не имел коррозии. Основная часть крепёжных элементов отвернулась гайковёртами. Лишь некоторые винты и болтовые соединения пришлось срезать, причём это сделали так аккуратно, что разделяемые детали не получили никаких повреждений.

А.М.: Все разбираемые узлы и детали фотографировались и фиксировались на видео, для транспорти-

ровки тяжёлых агрегатов (двигателей) были изготовлены специальные подставки в виде санок. На этих санях при участии всех членов команды огромные двигатели потихоньку ползли по тундре к вертолёту. Размеры двигателей были настолько велики, что они с трудом вошли в грузовой отсек вертолёта.

С.С.: Внутри самолёта на одной из переборок обнаружили прекрасно сохранившуюся надпись карандашом:

«Я борт Тюрикова. На борту трое детей и 6 женщин. 22.04.1947 года 00.30 из Кожевникова вылетел самолёт и взял курс на Красноярск. В 5 ч 30 мин вынужденная посадка, жертв нет. 26-го 9 человек ушли искать помощь. 1 мая сидим одни. Всё на исходе. Неизвестно что нас ждёт. Духом никто не падает, все ждём спасения. Праздник встретим весело. 11 мая. Мы спасены!».

Сразу замолчала: трагедия 69-летней давности напомнила о себе. Люди ждали помощи 19 дней! В безлюдной тундре, в апреле, без запасов пищи и воды, без тёплых вещей, в том числе женщины и трое ребятишек. И ради них пошли искать путь к спасению и погибли в тундре пилот Максим Тюриков, бортрадист Алексей Смирнов и бортмеханик Виктор ПИСМАРЕВ.

А.М.: Самой большой проблемой для нас была погода. Температура в это время года достаточно комфортная, днём +12-15, ночью не ниже +4. Дня и ночи, в нормальном понимании, в это время года ещё нет. Есть вечер, закат, несерьёзные сумерки, и снова солнце вылезает на небо. Вначале это сбивает, работали с азартом, заканчивали в 2-3 часа ночи, просыпались в 9 утра. Затем подустали, стали придерживаться привычного ритма.

Но главным врагом экспедиции был ветер. Постоянный, не очень холодный, без порывов и перепадов, он может дуть полдня и день. Работа в таких условиях очень тяжёлая и ещё сложнее транспортировка. Ветер носит вертолёт, крутит, мотает детали на подвеске. Приходилось ожидать штилевой погоды. Но особенно «хулиганил» ветер при погрузке на баржу. Допустим, спустили пустую бочку по склону вниз к барже с довольно крутого берега; так ветер останавливал бочку на склоне и прикатывал обратно, к ногам изумлённого отправителя.

Кроме того, на берегу была масса мелкого песка. Под действием ветра он пролазил сквозь плотный мешок внутрь хлеба на четверть булки. И скрипел на зубах. Уже после возвращения в Красноярск я высыпал четверть ложки песка из компаса, который до этого считал герметичным.

Сравнительно легко поддавшийся разборке «Дуглас» потом тщательно упаковывали, готовили к длительной и

непростой транспортировке.

А.М.: Особенно тяжело было в момент погрузки фюзеляжа и центроплана на баржу при помощи вертолёта. Баржа довольно маленькая, огромные детали входят на неё, но без запаса, вплотную. День был очень ветреный, мы пытались удерживать фюзеляж за оконечности при помощи верёвочных оттяжек, а вертолёт, плавая в порывах ветра, пытался поставить двухтонную махину длиной 18 м и шириной 3 м на небольшую палубу баржи. Фюзеляж ворочался под ветром, как кит, а мы метались под ним с верёвочками, пытаясь развернуть его в правильное положение. Когда фюзеляж закрыл полнеба и плавно начал опускаться на палубу, я вспомнил яркое выражение: мышьяк под ковшиком.

С.С.: Похожая ситуация была с транспортировкой плоскостей крыльев. Эти огромные (11 на 4,5 метра) пустотелые и сравнительно плоские детали самолёта весом всего по 450 кг можно было нормально перевезти на внешней подвеске вертолёта только в полный штиль. Порывы же ветра крутили и разворачивали эти огромные плоскости так, что пришлось делать несколько остановок и менять варианты крепления.

Но всё получилось! 16 августа экспедицию встречали в Красноярске. Причём встречали, как членов любимой футбольной команды, вернувшихся победителями с чемпионата мира. Жаждающие сенсации корреспонденты телеканалов спрашивали: «Можно ли восстановить самолёт до лётного состояния?»

С.С.: Наверное, можно. Это зависит только от финансирования реставрационных работ. Но нужно ли тратить очень немалые деньги для того, чтобы самолёт мог взлететь? Простое восстановление внешнего вида обойдётся на порядок дешевле лётного варианта и позволит сосредоточиться на главном — создании «Музея освоения Русского Севера».

СФ

Но, возможно, самым трогательным моментом в экспедиции была встреча дочери погибшего командира корабля Максима Дмитриевича Тюрикова — Авилины Максимовны с самолётом отца. Её прикосновение к штурвалу, который держали руки отца, было чем-то большим, чем просто история. В 1947 году ей было всего 6 лет, а её брату — 2 годика... Влюбленный в небо Максим Тюриков даже назвал свою дочь в честь авиации — Авилина это сокращение от «авиационная линия». Со слезами на глазах дочь сказала просто: «Я ждала этого момента всю жизнь...».

Демонтаж крыла

Новокузнецк — Красноярск:

На первый взгляд оба этих города имеют много общего. Они практически ровесники (если считать от образования Кузнецка), да и природные условия почти одинаковы. Один расположен в котловине у северных отрогов Восточного Саяна, другой — в Кузнецкой котловине, ограниченной отрогами Кузнецкого Алатау и Горной Шории. И тот и другой раскинулись по берегам двух прекрасных сибирских рек (пусть и разновеликих) и несут на себе печать стремительной индустриализации. И, как следствие, оба входят в список наиболее экологически неблагополучных городов России. Но на этом сходство заканчивается. Оказавшийся в Новокузнецке красноярец обнаружит это, едва выйдя из здания железнодорожного вокзала. И с каждым шагом углубляясь в логически выстроенное, понятное и дружелюбное городское пространство, поневоле начнёт сравнивать и размышлять.

Утром встали и к вечеру построили

Так сложилось, что Новокузнецк, в отличие от Красноярска (несмотря на то, что изначально, будучи Кузнецком, стоял на правом берегу Томи веками), был построен на левом в считанные годы в самом буквальном смысле слова — и половины жизни одного поколения не прошло.

Правда, и поколение было особенное. По словам поэта, поколение это могло нечевать под телегой и пошившимися от холода губами упрямо твердить: «...через четыре года здесь будет город-сад». Да-да, именно о Новокузнецке и его людях писал Маяковский в своём известном стихотворении. Надо признать, и поэт, и воспетые им герои не солгали — город-сад был построен в фантастически короткий срок. В общих чертах, если исключить военные годы, лет за десять-двенадцать.

В определённой степени именно поэтому городское пространство Новокузнецка так правильно, логично и на привыкший ко всему взгляд красноярца совершенно лишено случайных несуразностей. Правда, и времена те были суровые — желающим по своему усмотрению изменять генеральный план застройки как-то не находилось. А Новокузнецк, получивший своё имя в 1931 году, изначально строился строго по генеральным планам. И внесение изменений в них никак не зависело от предприимчивости и алчности отдельных личностей, в силу отсутствия рынка, который известен своим умением «всё расставлять на свои места». К счастью для жителей Новокузнецка, они всё успели расставить по местам до явления рынка изумлённому народу.

Конечно, речь идёт о центральной части города, а не о рабочих посёлках, прилепившихся к индустриальным

монстрам, которые словно выскочили из-под земли, подобно чёртику из табакерки. (В 1926 году было определено место под строительство металлургического гиганта, два года велось проектирование, в 1929-м началось строительство, и в 1932-м была сдана в эксплуатацию первая очередь.)

Посёлки эти, как и повсеместно, возникали без каких-либо генеральных планов, проектов планировок и прочих градостроительных причуд. Да и в самом деле, не ночевать же годами под телегой при свете лучины, пока в каком-нибудь проектом институте генплан рисуют. Тем более что в случае Новокузнецка и телег бы не хватило — к 1931 году население нового города составило сорок пять тысяч человек. (На правом берегу Томи, в старом Кузнецке, который был официально присоединён к новому только через год, в то время проживало всего лишь пять с половиной тысяч человек.)

Но, как известно, не промышленные окраины создают лицо города, а его центральный район, с прилегающими к нему территориями. А с этим у Новокузнецка, как уже было сказано, всё в порядке, хотя там и нет сравнимых с красноярскими архитектурных ансамблей, и нет улицы, подобной нашему уважаемому и в то же время уютному проспекту Мира. И вообще, значительная часть центра, не имеющая построек дореволюционных времён, в архитектурном плане довольно однообразна — сказались борьба с «архитектурными излишествами» и внедрение типового панельного домостроения.

Однако огромная территория, рассекаемая от железнодорожного вокзала лучами трёх проспектов, опоясанная объездной магистралью и поделённая диагональными магистралями с удобными развязками, так доброжелательна и к автомоби-

листам, и пешеходам, что вполне примиряет с однообразием застройки шестидесятых-семидесятых годов. Тем более что территория эта напрочь лишена микрорайонов, типа нашего Покровского в Центральном районе, опрометчиво заехав вглубь которого, можно и не выбраться. И вообще, в Новокузнецке нет присущих Красноярску транспортных проблем, связанных со сверхплотной, «экономически целесообразной» застройкой.

Ширина улиц Новокузнецка — отдельная тема. Нет, проезжая часть там вполне традиционна. Но пешеходная отделена широкими газонами и от дороги, и от домов, как это было принято в совсем недалёком прошлом. Так что ходить в Новокузнецке по улицам легко и приятно. И в отличие от Красноярска пешеходам нигде не предлагается трижды переходить проезжую часть для попадания на другую сторону улицы.

Именно это надо сделать человеку, который, замечтавшись, направился бы от проспекта Мира к остановке «Агропром» по западной стороне улицы Декабристов. Чтобы попасть на остановку, ему придётся не только пересечь улицу Ленина, но и дважды перейти улицу Декабристов, трижды постояв на светофоре. И всё потому, что прямой путь здесь перекрыт для пешеходов металлическим ограждением в угоду спешащим автомобилям.

Возвращаясь к Новокузнецку, надо отметить, что удачные градостроительные решения не только делают его комфортным для перемещения в пространстве, но и смягчают неизбежную для кризисных лет картину — облупившуюся краску фасадов и отвалившуюся местами лепнину.

Да, фасады зданий великолепно-го проспекта Металлургов, застроенного в сороковые-пятидесятые годы, несколько обветшали, но красота замысла держит внимание на общем, не давая частному в виде следов разрушения выйти на первый план.

Ещё в большей степени это относится к улице 25 лет Октября, которую можно назвать градостроительным шедевром, достойным эталонного Петербурга. Мало в каких городах можно обнаружить такую красивую, уютную и гармоничную улицу. Приходится признать, что в Красноярске, к сожалению, ничего подобного и близко нет.

Начинается эта построенная в конце сороковых годов улица с ухоженного сквера, окружённого высокими жилыми домами. По сути, она представляет собой один квартал,

состоящий из двух пар пяти-шестиэтажных жилых зданий без преувеличения столичного масштаба. Первые два, украшенные башенками и лёгкими изящными арками, служат воротами в пространство с широким тенистым бульваром, а замыкающая улицу пара зданий сохраняет лишь арочное кружево верхнего этажа. Красоту этих жилых домов исключительно удачно дополняет ухоженный зелёный газон, цветники, аккуратно стриженный кустарник и великолепные зелёные и голубые ели бульвара с двумя пешеходными дорожками.

Вообще, надо сказать, что зелёные насаждения Новокузнецка способны очень впечатлить красноярца, не привыкшего к такому изобилию и разнообразию растений, к такой их пышности, ухоженности и здоровому виду, несмотря на неблагоприятную экологическую обстановку.

Город-сад для металлургов и шахтёров

Идея города-сада, вообще-то, возникла задолго до событий, описанных нашим великим пролетарским поэтом. Ещё в 1913 году, после образования акционерного общества «Копикуз», нацеленного на разработку угольных месторождений, с Транссиба до Кузнецка была протянута железнодорожная ветка, которую завершила станция на левом берегу Томи. Именно рядом с этой станцией и возник посёлок под названием Сад-город.

Идею, совершенно не возможную в наши «тяжёлые времена», поддержали и развили в тридцатые годы прошлого века. Разумеется, совсем не потому, что годы эти оказались более сытыми. Как видно, на то были свои причины. Но вот чего точно не было, так это финансовой подпитки благоустройства Лазурного берега, Туманного Альбиона и прочих удалённых от сибирских шахт и металлургических комбинатов территорий. А если учесть, что прибыль эти шахты и комбинаты приносили немалую, то почему бы и не сад?

В результате получилось очень даже неплохо. Местами на центральных улицах кажется, что идёшь по парку, в который для разнообразия и оживления пейзажа вставлены отдельные жилые и общественные здания. Именно такое впечатление производит улица Спартака, ограничивающая соединённые в единое целое довольно большие парки: Металлургов и Гагарина.

Конечно, скептически настроенный критик обязательно заметит, что улица Спартака не показатель — она и транспортных задач никаких не решает, и того набора функций, что обязателен для улиц, претендующих на общегородскую значимость, не содержит.

Да, это так. Но если с неё свернуть на улицу Кирова, то количество зелени уменьшится совсем незначительно. А ведь улица Кирова — одна из центральных магистралей, пересекающих те самые три луча, что идут от вокзала. И заканчивается она мостом на правый, промышленный берег через реку Томь. На этой улице расположена городская администрация, драматический театр, цирк, банки, различные офисные здания, принадлежащие городским кормильцам — угольщикам и металлургам.

Так что улица весьма привлекательна для строительного бизнеса. Однако каждые пять минут пешего хода

информация к размышлению

там попадаешь в сквер, который в два-три раза, а то и в пять-шесть превосходит по величине наш несчастный сквер Сурикова на улице Ленина. По всему видно, что в отличие от Красноярска земля в центре Новокузнецка совсем ничего не стоит.

Именно высокую стоимость земли в современном городе у нас любят приводить в качестве оправдания уплотняющей застройки. Но тогда как же быть с Лондоном и его обилием садов и парков и статусом самой зелёной столицы Европы? Неужели, как и в Новокузнецке, земля в излюбленном пристанище российских миллиардеров идёт по бросовой цене?

Говоря о площадях, занятых зелёными насаждениями, нельзя не сказать и о качестве растений. В отличие от Красноярска в Новокузнецке не встретишь изувеченных варварской обрезкой деревьев. А если там имеют удивительно здоровый, просто роскошный вид — этикие величавые красавицы: ярко-зелёные, тёмно-зелёные, серебристо-голубые.

Поражает и видовое разнообразие. В Новокузнецке есть и высоченные красавцы-дубы (конечно один-единственный вид, способный выдержать сибирские морозы), часто встречаются зелёные и серебристые ивы с пышными шаровидными кронами, великое множество маньчжурского ореха — мощных высоченных деревьев с раскидистой кроной. Можно встретить даже стены многоэтажных домов, до крыши увитых амурским виноградом.

Вообще, надо отдать должное озеленителям Новокузнецка — созданная ими красота и ухоженность, наряду с планировкой, во многом примиряет и с известным однообразием жилой панельной застройки, и с облупившимися фасадами. К сожалению, ничего подобного нельзя сказать о Красноярске, где обрубки тополей лишь добавляют уныния и скорби ветшающим пятиэтажкам.

Особо остро различия в подходах к озеленению можно было ощутить

нынешним жарким летом. Жителю раздавленного зноем Красноярска промышленный город Новокузнецк мог бы показаться раем. Это и не удивительно. Исследования показали, что разброс температур в одно время и в одном и том же районе города может достигать десяти градусов. Например, если в парке на солнце температура воздуха будет +27 градусов, то в то же время у дороги уже +33. Ну, а среди высоток из-за отражения солнечного излучения стеклом и бетоном и все 37.

С результатами этих исследований согласится любой несчастный красноярец, приехавший, например, знойным летом в торговый центр «Июнь» общественным транспортом. От остановки (независимо, с какой стороны вы приехали) ему надо пройти довольно долгий путь — с одной стороны будет раскалённое асфальтовое покрытие, а с другой — выжженный газон. Ни деревья, ни кустика! Если этот и без того экстремальный переход совершается в 30-градусную жару, то по ощущению все 40!... Но и это ещё не всё. Не менее серьёзное испытание на выносливость и жизнестойкость здесь — надземный пешеходный переход, по которому только и можно пересечь магистраль. Попав в это раскалённое до предела пространство, уже забываешь о недостатках городского озеленения, в голове только одна мысль — выжить!

А в Новокузнецке при тех же температурах вы бы шли по тенистому бульвару...

Старая крепость нового города

В Новокузнецке красноярца ждёт удивление ещё по одному поводу. Пе-

ределав все дела и встретившись со всеми нужными людьми, он, скорее всего, спросит: «Ну и какие здесь у вас достопримечательности имеются?». И услышит в ответ нечто удивительное — Кузнецкая крепость.

«Какая ещё может быть крепость в таком молодом городе?» — подумает гость. И удивится ещё больше: оказывается, «молодой» Новокузнецк старше Красноярска на десять лет!

Конечно, история города в 1618 году началась, как и история Красноярска, не с крепости, а с острога, который был возведён на левом берегу реки Кондома при её впадении в Томь. Но уже через два года острог, входящий в так называемую Бийскую сторожевую линию, которая защищала Южную Сибирь от джунгарских ханов и киргизов, был перенесён на высокий правый берег.

Строительство же крепости, призванной наравне с другими укреплениями сдерживать притязания Китая на Южную Сибирь, началось при императоре Павле в 1800 году и было завершено в 1820-м. Однако у Китая с Сибирью как-то не сложилось, и уже в 1846 году военное ведомство передало крепость другой силовой структуре. В качестве тюрьмы она просуществовала до 1919 года, когда все её строения были сожжены в полном согласии с революционными традициями.

Крупномасштабное компенсационное строительство на территории крепости началось в 1998 году, и на сегодняшний день музейный комплекс «Кузнецкая крепость» имеет больше десятка различных объектов. И надо сказать, что у этой крепости, так ни разу и не исполнившей из-за отсутствия театра военных действий назначенной ей роли, есть очень хо-

рошие перспективы сыграть роль, пусть и не героическую, но всё же славную.

Дело в том, что она занимает лишь небольшую часть огромной зелёной зоны на высоком берегу Томи, с которого открывается совершенно чудный вид на её многочисленные, покрытые зелёной травой островки, на нижнюю террасу с огромным парком у самой воды, на золотые купола Спасо-Преображенского собора, памятника архитектуры XVIII века.

Надо признать, что эта территория как перспективная рекреационная зона, находящаяся в черте города, во многом превосходит наш остров Татышев. Во-первых, она имеет более интересный рельеф — там и возвышенности, с которых можно увидеть практически весь город, и какой-то глубокий живописный каньон с перекинутым через него мостиком, и неожиданные спуски и подъёмы петляющих тропинок. К тому же и наличие крепости придаёт особый колорит всему этому замечательному ландшафту.

Будем надеяться, жители Новокузнецка не утратят рекреационный потенциал этой территории и когда-нибудь получат великолепный парк, насыщенный разнообразнейшими возможностями для активного отдыха, сравнимый, а может, и превосходящий наш любимый остров Татышев. (А вот превзойти вызывающий у всех восторг фан-парк Бобровый лог не получится, благодаря его выходу в уникальное пространство заповедника Столбы.) Пока же территория, примыкающая к Кузнецкой крепости, большей частью совершенно безлюдна, и даже в выходные дни прогулка в одиночестве по её тропам требует некоторого безрассудства.

Если продолжать о достопримечательностях, то их в Новокузнецке совсем немного. Как и немного известных всему миру персон, когда-то его посетивших. Точнее, персона такая только одна. Это Фёдор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ, почитаемый как величайший писатель во всех уголках цивилизованного мира. А потому домик, где он бывал в общей сложности всего лишь дней двадцать, считает своим долгом посетить без исключения каждый иностранный гость.

Утопающая в цветах усадьба и мастерски выполненная экспозиция дома (интересная скорее в смысле дизайна, так как никаких подлинных экспонатов, связанных с Достоевским, там нет), конечно, способны впечатлить иностранца. А красноярец обязательно вспомнит усадьбы СУРИКОВА и бабушки АСТАФЬЕВА, которые хоть и тоже покрыты неизбежным музейным гляncем, но имеют множество подлинных экспонатов, если и не всегда связанных с бывшими хозяевами, то с исторической эпохой точно.

Вообще, всякий, кто приезжает в Красноярск, с первых шагов понимает, что город был заселён далеко не вчера, в отличие от Новокузнецка, которому при поверхностном знакомстве не дашь больше семидесяти. В нашем городе сохранилось значительно больше исторических зданий, и многое делается для поддержания их в сохранности. И всё же как заботливо его надо беречь по-настоящему понимаешь, когда попадаешь в четырёхсотлетний Новокузнецк, совершенно утративший память о трёхсотлетнем периоде своей истории, однажды начав жить с чистого листа.

Галина ДМИТРИЕВА

45 тысяч русских душ

Этот отклик на нашу публикацию был совершенно неожиданным. Весной в СФУ приезжал француз Пьер Малиновски, который прочёл нашим студентам лекцию об истории Русского экспедиционного корпуса, воевавшего во Франции в Первую мировую войну. Материал о русских во Франции, о самом Пьере и его деятельности появился в нашей газете в мае, а вскоре на почту редакции пришло письмо от дочери маршала Р.Я. Малиновского Натальи Родионовны МАЛИНОВСКОЙ.

Оказывается, её отец воевал в этом корпусе, и в семейном архиве хранится немало документов — писем, воспоминаний — об этой эпохе. Пьер утверждал, что «80% архивов Русского экспедиционного корпуса было уничтожено большевиками. Оставшаяся часть находится в различных частных архивах в США». Однако выяснилось другое. «Полагаю, вас должно заинтересовать то обстоятельство, что архив корпуса всё же находится по преимуществу в России, — сообщила Наталья Родионовна. — И то, чем я располагаю, — живые свидетельства, живые голоса, а не просто документы».

Кроме того, Наталья Малиновская сообщила, что в этом году выйдет книга, посвящённая событиям Первой мировой войны — автобиографический ро-

ман «Первая память», написанный её отцом маршалом Малиновским. Рукопись была напечатана уже после смерти маршала «Воениздатом» под названием «Солдаты России» и содержала некоторые редакционные идеологические вставки. Новое издание сверено с рукописью (убраны чужие вставки), снабжено подробными комментариями, фотовкладкой и ярким предисловием.

Наталья Родионовна прислала это предисловие в нашу редакцию; опубликовать в газете его невозможно — оно слишком обширно, но читатель может познакомиться с ним в электронной версии газеты (частично эти материалы уже публиковались в сборнике, изданном Историческим музеем, а также в ряде периодических изданий, например «Наука и жизнь», 2014 г.).

Приведём только одну цитату из доступного в электронной версии текста. Дочь маршала даёт своё объяснение тому удивительному факту, что русские воевали на французском фронте, и это был отнюдь не только союзнический долг. «... У русской армии обнаружилась катастрофическая нехватка снарядов, правительство обратилось к Франции с просьбой о помощи. Французы, припомнив заключённые в конце XIX века взаимные союзнические обязательства, предусматривавшие военную помощь в случае агрессии третьей страны, предложили России расплатиться за снаряды людьми. Ибо, как известно, наши людские запасы неисчерпаемы. Франция заявила о своей готовности поставить требуемое количество вооружения в обмен на 400 тысяч русских солдат.

Парадный снимок, май 1916 г.

Поначалу русский военный министр, ведший с французами переговоры о поставках вооружения в рамках вышеописанного «товарообмена», решил отказать — его шокировала моральная сторона проблемы, но вскоре понял, что деваться некуда, остаётся только скорректировать количество: 400 тысяч человек, конечно, нереально, но тем не менее вооружения нет, а воевать с Германией надо. И долг заплатили людьми — своего

рода рецидив работоторговли в XX веке.

Во Францию послали Русский экспедиционный корпус из четырёх бригад. В корпусе было 45 тысяч человек, почти в десять раз меньше, чем требовали французы. Но и вооружения Россия получила соответственно меньше.

Солдат для Франции отбирали особым образом, почти как в Кремлёвский полк. Согласно специальному предписанию, необходимыми качествами считались:

1. безукоризненно славянская внешность без намёков на иное происхождение, а также «общая приятность облика»,
2. рост не ниже 175 см (по тем временам довольно высокий),
3. православное вероисповедание,
4. грамотность и достаточное общее развитие вкупе с отсутствием вредных привычек,
5. умение метко стрелять, знание военного дела, наличие наград и иных отличий по службе.

Французы не предполагали, что для них отберут лучших, они рассчитывали на необученных новобранцев, которых сами намеревались учить, а после использовать на тяжёлых участках фронта, жалея свои войска. Так что первоклассное пополнение армии явилось для французского командования радостной неожиданностью.

Марш же новоприбывших по улицам Марселя поразил галльское воображение. Первый полк сформирован сплошь из блондинов с голубыми глазами, второй — из шатенов с серыми (на сей предмет тоже существовал особый приказ — какая предусмотрительность!). На солдатах новое, безукоризненно подогнанное по фигуре обмундирование, а в первой шеренге каждого полка по Марсельской набережной идут одни Георгиевские кавалеры...»

Французы были довольны — и посылали русских на самые трудные участки фронта.

В своём предисловии Наталья Родионовна даёт краткий очерк трагической истории корпуса. А вообще, она работает над документальной книгой о Русском экспедиционном корпусе на материале отцовского архива.

Родион Малиновский — в каске, Франция.

Поездка в Плер с Никитой Хрущёвым, 1960 г.

Найти шедевр

Иногда в каком-нибудь, прямо скажем, захолустье можно увидеть что-то по-настоящему редкостное.

Например, однажды был я чрезвычайно удивлён богатству музея небольшого бурятского городка Кяхта, который, как оказалось уже после пристального изучения, в давние времена считался одним из самых богатых на востоке нашей страны городов: купцы здесь занимались прибыльной чайной торговлей. И церковью город наплодил столько, что ныне и крупному Красноярску не дотянуться. И музей сошёлся городом, и вызрел он богатым на экспонаты смешанного по национальной принадлежности характера. Подивился я тогда и запомнил эту особенность иных невзрачных сибирских местечек.

А нынче, отправляясь на Байкал, вспомнил, что благодаря широкому жесту Даши НАМДАКОВА в посёлке Усть-Ордынском, что под Иркутском, была установлена интересная скульптурная композиция. Таких композиций теперь уже известнейшего бурятского скульптора по миру разбросано немало, а вот в России известно мне только две — в Таштаголе и вот в Усть-Ордынском.

Д. Намдаков привлек моё внимание давно, но особенно впечатлило собрание работ этого масте-

ра в Красноярске в июне 2014 года, когда в рамках фестиваля стран АТР он представил свою выставку. Посетил я эту выставку дважды, и Мастера удалось не только увидеть, но и послушать. И потому уже не смог я проехать мимо того местечка, а стал искать встречи с работой Мастера.

Найти оказалось и просто, и сложно. К сожалению, местные жители не владели информацией о нахождении композиции, и не мудрено — оказалась она заставлена заборами, павильонами, аттракционами и располагалась без должного почтения местных властей и народа. А зря! Работа-то чудесная и национальный бурятский мотив в ней силён. Образ юной девочки, сидящей на весёлом от хмельного степного ветра коне, очень интересен, полон оптимизма и безмятежности. Образ, олицетворяющий саму Бурятию с её народом и степями. Удастся поехать на Байкал — сверните в посёлок и оцените это произведение талантливого скульптора Даши Намдакова.

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ, профессор

Скульптурная композиция Д. Намдакова «Усть-Орда». Установлена в посёлке Усть-Ордынском Иркутской области в 2003 г.

МАЛЫЙ ЖАНР